

Защити свой дом

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

*Гнездо
ласточки*

Татьяна Трoнина

Гнездо ласточки

«ЭКСМО»

2013

Тренина Т. М.

Гнездо ласточки / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-68595-0

Его считают образцовым семьянином, его жене завидуют, а дочь, которой не было в родном доме более десяти лет, считают неблагодарной. Никто не верит Кире, когда она пытается изобличить изверга-отца, ведь горожанам удобнее видеть в нем храброго полицейского и настоящего мужчину. Вернувшись в родное гнездо спустя годы, Кира понимает, что ничего не изменилось и дома – того самого, в котором помогают даже стены, – у девушки по-прежнему нет. Чтобы построить новый, настоящий дом, ей потребуется пройти нелегкие испытания.

ISBN 978-5-699-68595-0

© Тренина Т. М., 2013

© Эксмо, 2013

Татьяна Тренина

Гнездо ласточки

Ласточка прилетела – скоро гром загремит.
Народная примета

Заскрежетал гулко и визгливо ключ в железном замке, тяжелая дверь распахнулась.

Человек шесть женщин находилось в камере – кто лежал, кто сидел на койке, лениво переговариваясь с соседками, одна стояла под зарешеченным окном, спиной к вошедшему.

– Гартунг, к следователю, – равнодушно произнес сержант, который должен был сопроводить на допрос обвиняемую.

Стоявшая обернулась – это оказалась еще молодая женщина, невысокая, худенькая, с темными, забранными назад волосами и с бледным, спокойным, отрешенным лицом. Вернее, личиком – уж больно кукольным, нарисованным, даже мультяшным показалось оно конвоиру. Да, точно, личико – как из японских мультиков. Чересчур большие, чересчур прозрачные голубовато-серые глаза, уголки которых приподняты к вискам; тонкий и четкий контур бровей, аккуратный, тоже тонкий носик и маленький, напоминающий вишенку рот.

Сержант, молодой еще парень, холостой, не имеющий на данный момент подруги, реагировал остро на каждую привлекательную женщину, даже если та была старше его, даже если она была одной из тех, кто находился здесь, в следственном изоляторе.

Вот и сейчас, словно против воли, он «просканировал» женщину всю, с ног до головы, насквозь – быстро, всего за пару мгновений. Оценил. Зачем? Совершенно незачем, да и не по себе еще стало – сердце словно кольнула острая игла, оставив после себя саднящую боль.

Но как не оценить? Потому что хорошенькая. И такая беззащитная при этом, слабенькая на вид. А беззащитность эта, беспомощность – словно приманка для мужика. Повод расправить плечи, загарцевать, показать свою статью.

Только, блин, это же обман все. Мираж. Дурман, которым бабы дурят головы мужчинам.

Никакая эта Гартунг не слабенькая и не беззащитная, она – убийца.

Подробностей ее дела конвоир не знал, ведь его обязанность – только сопровождать заключенных. А этих заключенных тут... Что мух на варенье. То воровки, то аферистки, то детоубийцы, то еще что. Тьфу, словом, меньше знаешь – крепче спишь.

Тем не менее сержант кое-что краем уха слышал о Гартунг – будто она не просто убийство совершила, а какое-то особое, которое не часто случается и поражает всех своим кощунством. И которое, по-хорошему, ничем нельзя оправдать и нигде – ни на божеском суде, ни на человеческом.

...Она шла по коридору, вдоль стен, крашенных темно-зеленой краской, держа руки за спиной, опустив голову. Маленькая, покорная судьбе, с этим хорошеньким носиком – четко очерчены ноздри, кончик острый, словно клюв у птички; пряди волос выбились из хвоста и упруго висят, чуть изогнувшись дугой, возле щек – так трогательно тоже.

Платье из грубой темной ткани, напоминающей дерюгу, тряпичные туфли без каблука. Ступни крошечные – поди, мучается, обувь себе подобрать не может, бедолага.

Да, эта Гартунг всем своим видом напоминала беззащитную, кроткую птичку, попавшую в западню.

Фамилия какая-то странная, не русская. Из этих, что ли? Хотя видом русачка. Или, может, этот... псевдоним. Да, наверное. Ведь она не из простых, что-то там с искусством связано. Может, на почве искусства мозги себе свихнула?..

Как знать. Ну ее. Лучше не смотреть, не реагировать, забыть. Спать крепко и сны под утро тоже стараться забывать – это если во сне надумает прийти.

Все морок, все обман. Верить им, женщинам, нельзя. Да и не женщины они вовсе, а бабы. Настоящие женщины по жизни редко встречаются.

Об этом разделении – на женщин и баб – сержант смутно догадывался раньше, после череды несчастных любовей, а теперь точно узнал, когда на форум один зашел. Там умные мужики мозги ему прочистили – есть женщины, а есть *бабы*. Женщины, то есть нормальные люди, редко встречаются. А вот баб много, и от них только беды.

Они хищные, корыстные, наглые. Злые и глупые. Они не любят, они – используют мужиков. Бытовые проститутки. Но их не сразу разгадаешь, не так просто вычислишь, поскольку бабы еще и хитрые ко всему прочему.

На примерах всяких разных ситуаций на том форуме разбирались – как самому вычислить бабу, как не дать ей накинуть на тебя сеть. И использовать ее саму. Интересно, прикольно!

Вот и сейчас если с точки зрения антибабского того форума эту Гартунг попробовать оценить на предмет того, женщина она или баба, кто? С одной стороны, вроде как женщина, раз на вид такая кроткая и милая, всякие нежные чувства невольно вызывает. Но на самом деле, если хорошенько подумать, она самая что ни на есть настоящая баба. Потому что беспринципная убийца, злодейка.

И не дай бог с такой в реальной жизни встретиться – потому что вонзит нож прямо в сердце и будет наблюдать с кроткой улыбкой, как ты корчишься, умирая.

Изыди, ясноглазая, из мыслей моих!

... Сержант постучал в дверь, ведущую в кабинет следователя, и отрапортовал четко, без эмоций:

– Заключение Гартунг, прибыла на допрос.

* * *

Кира вспомнила о том, что ей нужен новый телефон, только уже подъезжая к вокзалу.

Старый еще работал и мог проработать немало, но это был древний, простейший аппарат. Конечно, красивый – панельки со стразами, золотое напыление и все такое... Его Кире подарил Тим лет семь назад. Красивой девочке красивую игрушку. Телефон исправно ловил сигналы, по нему можно было говорить долгое время, но – и только. Формально он мог фотографировать, если брать основные функции, но, боже мой, на этих фото ничего не разглядеть... Рыжевато-зеленые мутные пятна.

А Кире сейчас нужен был навороченный гаджет – ведь она собралась к родным, которых давно не видела. Хотелось бы сделать фото на память, снять видео... Да еще хорошо бы иметь возможность заглянуть в Интернет, послать электронное сообщение и т. д. и т. п. Не дурую маяться, шляясь по соцсетям, а действительно для дела. (Какие соцсети в двадцать девять-то лет, это смешно! И всевозможные форумы Кира, кстати, тоже игнорировала, считая сидение на них пустой тратой времени. Да, был любимый форум, вернее, блог одной известной персоны, но и то – Кира его просто читала, никак не участвуя в дискуссиях.)

Что еще нужно от нового телефона? Чтобы это была не громоздкая, не объемная (пусть и легкая!) вещь, а нечто компактное, способное поместиться в кармане, удобное. Тем более что у Киры, по моде нынешнего сезона, накопилось изрядно платьев-сафари с нагрудными карманами. Положила в кармашек телефон и побежала налегке, со свободными руками...

Кира вынырнула из метро на привокзальную площадь.

Уже стемнело. Прохладно, несмотря на то что конец июня. Ветер порывами, дождик начинал накрапывать...

До отправления поезда – еще сорок минут.

И Кира направилась к ближайшему салону связи. Там она озвучила продавцу свои требования к новому аппарату. К счастью, продавец оказался толковым юношей.

– Вот, смартфон нового поколения, с сенсорным экраном...

Сенсорный экран оказался для Киры в диковинку. То есть все вокруг давно такими пользовались, и Тим давно хотел подарить Кире нечто подобное взамен устаревшего аппарата, но Кира противилась. Во-первых, нечего захламлять природу, меняя модели и выбрасывая старые (экологическое мышление в противовес потребительской психологии), во-вторых, боялась не освоить эту «пальчиковую» технологию.

Но деваться некуда. Сейчас приперло, надо срочно купить. Конечно, и в Светлоречке есть салоны связи, а вот выбор в них? Да и зачем тратить время на покупку, ведь всего два дня с хвостиком на визит к родным...

Зазвонил телефон – тот, свой, старый. На экране – имя жениха.

– Наконец-то... Ты где?

– Тим, я в салоне связи...

– Кира, я тут бегаю по всей площади, ищу... Промок уже весь до нитки!

– Ты забыл зонтик?

– Какой еще зонтик, скоро отправление... Кира, ты меня убиваешь! – Короткие гудки. Кажется, Тим был в бешенстве.

Кира нажала на кнопку отбоя, повернулась:

– Ладно, беру вот этот смартфон... телефон... Как его? Впрочем, какая разница, как называется. Только быстрее, пожалуйста.

Пока продавец оформлял покупку, Кира нетерпеливо постукивала каблуком по кафельному полу. А правда, не ерундой ли она занимается, нужен ли ей этот навороченный гаджет, да еще столь срочно, и вообще...

Слегка ныла правая рука. Как всегда, в непогоду, давала знать о себе старая травма. Противное ощущение, и ведь никак не избавиться от него. Доктор сказал, что это на всю жизнь. Функции более-менее сохранены, а вот ныть периодически будет...

– Вот, пожалуйста, здесь распишитесь. Так. Чек кладу сюда. Спасибо за покупку! – наконец скороговоркой произнес продавец.

– Спасибо вам... – Кира подхватила пакет правой рукой, а другой покатила за собой чемодан на колесиках.

На улице – совсем ночь, и дождь хлестал уже вовсю. Девушка судорожно раскрыла зонтик. Сквозь струи воды причудливо переливались огни рекламы, свет от фонарей. Мимо бежали люди – кто под зонтом, кто прикрыв голову курткой, шуршали и стучали по плитке колесики чемоданов, кто-то ругался матом... Сернистый дымок сигарет (запретили же в общественных местах курить!!!) и теплые, настоянные на железнодорожной гари и выпеченных только что слойках запахи смешивались в одно тошнотворное вокзальное амбре и навязчиво лезли в нос.

– Кира! – наперерез бросился Тим с рюкзаком за плечами. – Тут этих салонов связи...

– Я же тебе сказала, жди меня на перроне!

– Интересное дело! А вдруг... Сейчас ночь, ты одна, это вокзал вообще-то.

– А что со мной случится, Тим? Не надо меня все время опекать, я не идиотка... Да ты весь мокрый!

В самом деле – жених промок насквозь, бегая по площади и ища Киру. Рубашка прилипла к телу и потемнела, с брючин текла струйками вода, пряди волос прилипли ко лбу и казались темными, почти черными. Тим – который «рыжий-рыжий-конопатый!» – и на себя не был похож в этот момент.

– Иди под зонт, ты простудишься!

– Какой зонт, он меня уже не спасет! Бежим. Дай чемодан...

– Тим, я сама.

– Дай чемодан, я сказал! – Он почти вырвал из ее рук чемодан на колесиках и побежал, Кира – за ним, вытянув вперед руку с зонтиком. – Что ты забыла в этом салоне связи... Пять минут до отправления!

– Тим, да не беги так...

Они успели. Прыгнули в вагон, проводница заглянула в билеты, кивнула, и только потом вагон дернулся, поезд тронулся с места.

– Тим, с тебя вода льет.

– А что я могу сделать? – огрызнулся он через плечо, идя вдоль ряда купе по коридору. – Ты сама виновата, не хрена было не пойми где бегать.

– Я тебе сказала ждать меня на перроне... – плачущим голосом произнесла Кира и замолчала. С Тимом бесполезно спорить – он упрямец каких еще поискать.

Нашли свое купе, свободное – только они в нем.

– Тим, скорее переодейся!

– Да погоди ты, дай я этот чемодан уберу, он под ногами... Кира! Ты обалдела?! Мы же на два дня едем, а у тебя вещей килограмм пятнадцать...

– Это все нужное.

Они толкались в купе, мешая друг другу, потом жених вспомнил, что ему надо что-то узнать у проводницы, и убежал. Вернувшись, вышел в коридор, встал у открытого окна.

– Ты простудишься.

– Ой, вот не надо... Мне жарко, Кира, мне дышать нечем! – опять огрызнулся через плечо Тим.

Тиму всегда было жарко. Высокий, плотный, мощный, с тяжелой, широкой костью – не финансовый аналитик, а каменотес какой-то.

Кира упала на сиденье, уперлась виском в стену, закрыла глаза.

Минут через десять Тим сел рядом, взял за руку:

– Кирчү, ты обиделась? – Он называл иногда ее «Кирчу», с ударением на последней букве, ласково.

– Нет.

– Я же вижу, – Тим поцеловал ее руку, потом притянул девушку к себе, обнял. Он все время обнимал ее, тискал, трогал, щупал, тормошил. Не выпускал из рук, словно любимую игрушку. Это временами раздражало Киру – когда хотелось отстраниться, полежать или посидеть спокойно...

– Тим, переодейся, – вяло прошептала Кира. – От тебя псиной пахнет.

– От меня?! – поразился он и принялся себя обнюхивать.

– Тим! Тим, я устала...

– От меня правда псиной пахнет? – не унимался Тим. – Ты серьезно или я тебе настолько противен? А если бы я тебе такое сказал? Ты бы меня с г...ном съела, ты бы мне сто лет это припоминала!

Жених, при всей своей интеллигентности и двух высших образованиях, позволял себе иногда крепкие словечки.

– Ти-им...

Он выбежал из купе, потом Кира услышала его голос из коридора – обсуждал с кем-то из попутчиков дорожное сообщение в Москве.

Вернулся с уже высохшими волосами, забыв о ссоре, спросил как ни в чем не бывало:

– Чаю хочешь? Ты голодная?

– Чаю.

Замер, глядя на Киру «особенными» глазами, захлопнул за собой дверь купе и тоже «особенным» голосом произнес:

– А мы тут одни, между прочим. А ты, между прочим, моя законная невеста.

– Только не здесь, – яростным шепотом отозвалась Кира.

Лицо у Тима, вернее – Тимофея Обозова – тоже никоим образом не напоминало о его образовании, успешности, уме и прочих достоинствах. Это было лицо каменотеса. Грузчика. Ирландского рабочего, распивающего пиво в портовом пабе.

Рыжий. Веснушки. Черты лица грубые и смешные одновременно. Тим очень напоминал актера, сыгравшего в детстве друга Гарри Поттера, как его там... Ах, уже не вспомнить. Иногда, в определенном освещении, при определенных ракурсах, в определенном настроении, Тим казался очень интересным, красивым даже. Но это иногда.

Наверное, родня, когда увидит его, обалдеет. И кто-нибудь из тетушек прошепчет Кире на ухо: «Кир, а ты что, лучше себе не могла найти?»

Обозов. Ох. Нет, фамилию она менять отказалась, когда подавали заявление в ЗАГС. Только Гартунг. Между прочим, такая фамилия была в замужестве у дочери Пушкина. Хорошая, звучная фамилия, корни немецкие. Hartung. Hart – «отважный, смелый, сильный». А то Обозова...

Нет-нет, с ее профессией нельзя фамилию менять.

– Ладно, пойду насчет чая узнаю. Постелить тебе?

– Нет, я сама.

После чая Тим завалился спать на верхнюю полку, и заснул он, как всегда, мгновенно. К этой его особенности Кира за много лет совместного проживания так и не смогла привыкнуть. Вот человек этот Тим – стоит ему только голову на подушку положить, как засыпает мгновенно, и днем может поспать – ляжет и отрубится. У Киры так не получалось. Ночами долго лежала, придавленная мыслями, сомнениями, звуками музыки, ощущениями... Тим уже двадцатый сон видел, а она, измученная, только в дрему начинала погружаться. А днем вообще спать не могла, сколько ни пробовала.

В поезде Кира и не надеялась даже уснуть. Просто лежала, закрыв глаза.

Вдруг страх и отчаяние накатили. Боже мой, что она делает, зачем?.. Нет, она не про замужество, нет. Поездка эта дурацкая! Зачем ехать в город детства, в котором не была давно, к родственникам этим... Ну да, у отца юбилей – пятьдесят лет. И скоро свадьба у Тима с Кирой – вроде как надо наконец познакомить жениха с родителями. Но, опять же, зачем?! Десять лет они Тима не знали, и что...

Бред, глупости эта поездка. У матери полгода назад тот же юбилей был (мать на полгода старше отца) – так Кира лишь телефонным звонком ограничилась. И сейчас бы тоже позвонила, дежурно отца поздравила, и все. И на свадьбу свою, в Москве, она никого приглашать не собиралась, сразу всех друзей и родственников оповестила – да, они с Тимом распишутся официально, после десяти лет сожительства, но торжества никакого не будет, и не надейтесь. Ей не до того, осенью премьера.

Вообще это очень удобно – свалить все на премьера, отгородиться ею, словно забором – чтобы не лезли, чтобы не видеть никого.

И рука ноет ко всему прочему...

Кира постаралась сдержать стон, села. Включила ночник в изголовье, нашла коробку с новым телефоном, принялась читать инструкцию.

Утро.

– ...Кирчу-уу-ууу! – Тим, свесив голову, смотрел на Киру сверху вниз. – Двенадцатый час, между прочим.

– Ты сволочь, – плачущим голосом произнесла Кира и дернула ногой. – Зачем ты меня разбудил?

– А я тебе говорил, надо было лететь, а не на поезде тащиться!

– На самолете неудобно, там на перекладных от аэропорта то же время добираться, от областного центра до Светлорецка. То же время выйдет. А так, на поезде, хоть дергаться не надо... Едешь себе и едешь!

Тим слез, своими сильными руками приподнял Киру, обнял:

– Кирчу, твой отец меня не побьет?

– За что? – вздрогнула Кира.

– Ну как, я увожу из семьи его старшую дочь.

– Нужна я... У них с матерью еще есть Гелька.

– Гелька, да. Ангелина. Точно! – Тим аккуратно отстранил Киру, и, словно вспомнив что-то, схватил свой рюкзак, заглянул внутрь. – Уф... Не забыл. Конфеты теще, коньяк тестю. А Геля мне кто будет? Впрочем, не важно. Куклу ей тоже взял. Твой отец как к коньяку?

– Иногда благосклонно, – подумав, осторожно произнесла Кира. – Но в нерабочее время. Он же полицейский. Пенсионер, но работает.

– Вот повезло полицейским, так рано на пенсию выходят... А мама кем работает?

– Мама не работает, я же тебе говорила. Она всю жизнь домохозяйка.

– Повезло. Молодец у тебя папаша. А Геле сколько, я забыл?

– Одиннадцать.

В купе постучали, дверь с шумом раздвинулась, и к ним заглянул пожилой, крепкий мужичок:

– Доброе утро, не помешаю? Пал Палыч я... До Светлорецка.

– И мы до Светлорецка, – представившись, сказал Тим.

– Что, правда? В гости или по делам?

– Да вот, к родне едем...

– К родне? Это к кому? Я вроде всех в нашем городишке знаю...

– К Гартунгам, – отозвалась Кира неохотно.

– К кому? Гартунгам? Стоп-стоп-стоп... Так вы Игоря Петровича дочь? – поразился попутчик, садясь на лавку напротив. – Я прямо сразу почувствовал – лицо какое знакомое... Один в один как у супруги его, Ольги Витальевны! И младшая доча – ее копия, только в очках... Надо же, поразительное семейное сходство! А я на автобазе, кладовщиком... К другу ездил, вот домой возвращаюсь. Ну как я Игоря Петровича не знаю, знаю, конечно! Орел. Майор. Майор Вихрь! Герой, о котором легенды слагают!

– Легенды? – переспросил Тим.

– О да, легенды! Это поразительный человек, удивительной храбрости! – соловьем разливался попутчик – человек, видимо, очень болтливый и склонный к излишней экзальтации. От таких людей у окружающих всегда голова болит. – Всю местную мафию разогнал. На операции сам ездит, первым в бой бросается... Я сам своими глазами видел. У наших соседей племянник вернулся из мест не столь отдаленных. И устроил дома притон. И вот однажды...

Кира постаралась отвлечься, хотя навязчивый голос собеседника, журча, вливался прямо в уши. А Тим слушал с интересом, вопросы задавал.

...Из Светлорецка Кира уехала в шестнадцать лет, как только паспорт получила, одновременно с окончанием школы. Маленький городишко на краю света, где никаких перспектив, где всегда одно и то же... Сонная лощина какая-то. Поступила в Москве в Консерваторию, где изучала основы композиции... Хотя собиралась изначально пианисткой стать, все детство из музыкальной школы не вылезала. Только в последний момент передумала (вернее – пришлось передумать), в композиторы решила податься. Удивительно, но конкурс небольшим оказался, Киру взяли, да еще хвалили больше других на вступительных, как особо одаренную.

Жила в общежитии, днем училась, вечерами официанткой подрабатывала. И училась Кира легко, словно не всерьез, удивлялась даже, отчего ее сокурсникам знания тяжело даются. Задания по композиции выполняла, почти не думая. Словно все эти знания уже кто-то давно

вложил в ее голову, осталось только вспомнить. И музыка в ней была тоже давно, она лилась сама по себе, откуда-то из середины груди, где солнечное сплетение.

Когда ей было лет двадцать, Кира познакомилась в кафе, где работала, с Тимофеем Обозовым.

Тим на семь лет старше был, сразу Киру к себе жить позвал, попросил с работы уйти. Матери Тима Кира не понравилась – приезжая, официанткой работает. («Не работает, а подрабатывает! – толковывал маман Тим. – Кира собирается композитором стать, пишет музыку. Она творческий человек, она гений, это я, я ей не ровня, мама!») Но мать Тима – очень упрямая женщина, Киру так и не приняла. До сих пор считает Киру хищницей и наглой приезжей.

Тим первое время снимал квартиру, потом купил свою, двухкомнатную, хорошую, недалеко от Садового, и Киру там прописал, и ничего не жалел. Хотя, возможно, он назвал матери Киру у себя прописал, ведь тоже упрямый, если уж хочет кому что доказать, так из кожи вылезет... Тим преподавал в самом престижном экономическом вузе Москвы, занимался финансовой аналитикой, писал книги и статьи – анализировал рынок ценных бумаг, давал рекомендации финансистам... Статьи, кстати, Тим писал постоянно, все свободное время, финансовые газеты и еженедельники буквально рвали его на части.

Они были разные – и внешне, и внутренне, Тим и Кира. И занимались разным, и взгляды на жизнь у них тоже оказались разными, порой диаметрально противоположными. Но жили вместе долго уже и как будто притерлись даже – если Тим решил уж сделать предложение, а Кира – согласилась на него.

Тим в последнее время боялся еще, что Кира может уйти. Что ее увести могут, после премьеры в Новом.

Да, про Новый.

Новый театр придумали, создали как альтернативу Главному театру страны. Был Главный, в центре столицы, а теперь вот еще Новый появился, неподалеку от Фрунзенской набережной! Когда само здание Нового построили, отделку закончили – учредили конкурс. Решили сформировать совершенно новый репертуар. (Да, в Главном театре страны тоже совершенно новые постановки случались, порой весьма скандальные, но в Новом – принципиально решили от всего скандального отказаться. Пусть новое, но без откровенных провокаций, без душка разложения, без этой «благородной плесени», потакающей пресыщенному вкусу.)

Кира прошла конкурс – и теперь на ее музыку собирались поставить балет. Нашелся хореограф, тоже из молодых да ранних, артисты, режиссер-постановщик... Все очень серьезно, и очень много ожиданий. В Москве, да и в стране говорили о том, что Главный театр страны погряз в интригах, сплетнях, выяснении отношений, что искусством там не занимаются, да и от самого легендарного здания после ремонта почти ничего не осталось, нет ни ауры, ни атмосферы... Напрямую в средствах массовой информации, конечно, не утверждалось, что Новый театр призван заменить прежний, Главный театр страны, но некоторые любители искусства расценивали ситуацию однозначно и твердили злорадно – король умер, да здравствует король!

Молодые, талантливые танцовщики рвались в Новый театр, да и заслуженных артистов оказалось немало – из тех, у кого карьера в Главном театре страны по каким-либо причинам не складывалась.

Оперы, балеты – все в Новом новое, сенсационное, яркое (вернее, предполагалось устроителями, что именно такое впечатление возникнет у публики). Сразу несколько премьер было назначено на осень, и балет на Кирину музыку в том числе.

Хотя, конечно, приверженцы классики твердили, что проект провалится, что нечего велосипед изобретать, что лучше «Щелкунчика», «Садко», «Жизели», «Лебединого озера», «Хованщины», «Князя Игоря» и иже с ними придумать невозможно.

Словом, это была борьба крайностей. Одни прочили Новому театру провал, другие – грандиозное будущее и связывали с его открытием новую эпоху в искусстве.

Вот так Кира оказалась в центре бушующих страстей. Либо она сверкнет, прославится, либо премьера балета на ее музыку провалится... Конечно, все это грозит не ей одной, ведь их целая команда создателей балета. И, кстати, о композиторе, о Кире, вспоминали меньше, больше говорили о хореографии, о мастерстве артистов, о декорациях... Это как хороший фильм – чаще вспоминают режиссера и актеров, исполняющих главные роли, чем сценариста, придумавшего саму историю, над которой должны плакать или смеяться зрители.

Но тем не менее будущее Киры зависело от премьеры в Новом.

И это еще добавляло мандража, заставляло нервничать и переживать. Тим, с одной стороны, поддерживал Киру, верил в ее успех, с другой стороны – жених как будто считал работу Киры несерьезной. Баловством. Развлечением для милой, хорошенькой женщины. Ну, провалится премьера – так чего уж, не страшно. Подумаешь! Кира же не перестанет быть композитором, сочинять музыку.

Тим вообще воспринимал Киру как куклу. Сам покупал ей одежду, сумочки, искал ей туфельки в командировках (тридцать четвертый размер, пойдешь найди приличные женские туфли!). Дарил украшения. Засыпал советами по поводу макияжа, прически, цвета волос...

Да, он относился к ней нежно, трепетно, рыцарски. Всегда хотел, всегда обожал, всегда оберегал. Не жалел ничего, что в наше прагматичное время случается достаточно редко. Предложение вон сделал...

Но, боже мой, он словно не понимал Киру до конца, не догадывался, что она на самом деле – другая, не такая розовая Барби, как он себе вообразил!

...Попутчик болтал, Тим с интересом его слушал.

Тим – странный. С одними и разговаривать не хотел, и не с самыми последними людьми, с другими – вот как с этим простецким дядькой – болтал охотно и легко. Хотя чего тут удивительного? Сейчас у Тима появилась возможность побольше узнать о семье своей невесты. Ведь Кира не рвалась рассказывать о своем прошлом. Да и зачем Тиму знать о ее родителях, о том, какие они, ведь все равно больше не увидятся?.. Нет, может, и встретятся когда, но ненадолго. Если как-нибудь проездом. Нет никакого смысла рассказывать о том, что было и прошло и с чем будущая жизнь никак не связана.

...Ранним вечером Тим и Кира сошли с поезда.

Попутчик, кладовщик Пал Палыч, многословно попрощался и тут же убежал.

Поезд, постояв еще полторы минуты, покатил дальше, на другой конец России. Вглубь? Нет, там, далеко, еще почти неделя езды на поезде, находился другой край. А самая глубь находилась, по представлениям Киры, именно тут. Вот как морской берег. Прошелся чуть по мелководью, и бух – обрыв, ногами дно не достать, и только умеющий плавать сможет выбраться из пучины. Словом, чтобы утонуть, не обязательно на середину моря заплывать.

Кира огляделась – все вокруг знакомое и чужое одновременно...

– А воздух! Какой тут воздух! – воскликнул Тим, задышал энергично, всей грудью. – Я и забыл, что где-то есть свежий, чистый воздух... Светлорецк? Тут и река еще есть?

– Есть, течет неподалеку от города... В честь нее и назвали. Река Светлая. Кстати, и на Байкале протекает река с таким же названием.

– Да? Не знал. Но воздух...

Воздух и в самом деле казался сладковатым, нежным, теплым – хоть пей его как парное молоко. Он еще, ко всему прочему, морем пах (вот она, цепочка ассоциаций!), хотя моря тут никакого не было и в помине, одни непроходимые леса вокруг.

Кира едва не заплакала от внезапно нахлынувших чувств.

Она и не думала, что еще когда-нибудь вернется сюда. Зачем?! Глупый вопрос, который преследовал ее все последнее время.

Ведь здесь, насколько она знала (с матерью же иногда говорили по телефону, обсуждали местные новости), все еще жил Сергей. Ее первая – девичья, школьная, невинная поначалу и запретная в конце – любовь.

Кира не считала свой первый роман важным и особенным. Было и было, у кого нет подобных воспоминаний... Было и прошло. Хуже другое – она *никогда* не забывала о Сергее. Юноша-одноклассник всегда находился в ее подсознании и, едва только находился повод, выскакивал оттуда, словно чертик из табакерки.

Кира прекрасно понимала, что дважды войти в одну реку нельзя, что у них с Сергеем, возможно, и не получилось бы крепких отношений, что эти воспоминания – суть незавершенный гештальт.

И все же хорошо, что они с Тимом прибыли лишь на два дня. Пусть городок небольшой, но вряд ли за два дня можно нос к носу случайно столкнуться со своей первой любовью и получить ворох ненужных впечатлений, от которых будет щемить сердце.

Насколько знала Кира, Сергей был одно время женат, у него родился сын, но сейчас бывший одноклассник находился в разводе. А занимался Сергей Крестовский (вот фамилия, которая тоже звучит!) ковкой оружия. И очень неплохо, даже по московским меркам, зарабатывал. Это важный момент (хотя Кира, как уже упоминалось, никогда меркантильностью не отличалась). Просто данное обстоятельство говорило о том, что Сергей не спился, не опустился подобно части мужчин, живущих в провинции, без возможности сделать карьеру. И в самом занятии, древнем и благородном, сказочном – ну как же,ковка кинжалов! – заключалась доля романтизма.

– Кирчу-у! Я тебе кричу, кричу... О чем задумалась? Куда идти-то?

– Прямо. Там автобус. Три остановки до дома. Или на такси. Пешком минут двадцать-тридцать. Как тебе удобнее.

– Кира, ну какой автобус, какой пешком... – Тим от возмущения закашлялся, побежал вперед, туда, где в ряд стояло несколько автомобилей, в основном отечественного производства, и водители возле них. – Алло, шеф! Кхе-кхе, тьфу ты... Довезешь нас?

* * *

Тимофей влюбился в нее с первого взгляда, как только увидел, как только услышал ее голос. Кира – мало того что прехорошенькая, да еще голосок у нее, как у ангела, – негромкий, но отчетливый, очень приятного тембра, женственный. Не писклявый, но и не мурлычущий, не развязно-игривый, но и не отстраненный... Невозможно описать, но слушал бы и слушал. В ее голос он и влюбился.

Первая ее фраза – «что заказывать будете?» – прозвучала небесной музыкой. Он поднял глаза и окончательно потерял свое сердце...

Официантка. Гм. Тимофей, к тому времени уже широко известный в узких финансовых кругах как аналитик и прогнозист, сразу непolitкорректно подумал: «Работу эту халдейскую я ее бросить заставлю. Будет жить у меня. В институт сдам. А больше ничего и не надо...»

Но Тимофей ошибался. Кира, словно легендарная русская игрушка, матрешка, хранила в себе множество тайн. И была вовсе не такой, какой казалась. Девушка-сюрприз. Вот хотя бы насчет профессии и образования...

Мать Тимофея Киру сразу невлюбила. Ну это понятно, материнская ревность. Называла Киру корыстной приезжей, подозревала, что Кира все врет («Ну не может эта дурочка в Консерватории учиться, она про нее придумала!»), считала развратной соблазнительницей.

Это Кира-то – развратная соблазнительница! Смешно. Кира, с ее аскетизмом в быту, равнодушием к еде, одежде, вещам... Тимофей чуть не силой заставлял ее переодеваться. Чтобы платья, туфельки, а не эти дурацкие кеды с джинсами.

Со своими пусть не очень густыми, но приятного оттенка темного шоколада шелковистыми волосами Кира до встречи с Тимофеем не заморачивалась – просто на затылке собирала в «хвост», из которого вечно пряди выбивались. Хотя прически и укладки ей так шли, невероятно!

Тимофей не просто любил Киру, он ее обожал. Баловал. Детей Тимофей не хотел – Кира была его ребенком.

Но эти ее вечные тайны... Вот как он удивился в первый раз, когда узнал, что Кира учится на отделении композиции, а официантка – это только видимость, подработка...

Кира мало о чем рассказывала, а прошлое ее было для Тимофея закрытым. А он хотел бы знать! Ведь это его Кира, только его, его абсолютная собственность, и даже ее мысли и сны, и ее прошлое – тоже должны принадлежать ему.

Наконец подвернулся удобный случай – поездка на родину Киры. Он здесь – значит, теперь и прошлое невесты перестанет быть тайной.

...Узкая улочка, высокие заборы, за которыми прятались одно-двухэтажные частные дома.

– Здесь остановите, – сказала Кира таксисту.

Тимофей расплатился. Вышли из авто, остановились перед калиткой в глухом заборе, крашенном в темно-зеленый цвет.

Кира стояла в замешательстве – маленькая, хрупкая, испуганная. Почему испуганная?

– Кирчу, что с тобой?

– Как-то не по себе... Столько лет тут не была, – она нажала наконец на кнопку звонка. Через пару минут дверь распахнулась.

– О, ребята. Привет! Заходи! – бодро скомандовал мужчина – наполовину седой, но с молодым еще, приятным, открытым, выразительным лицом. Он был невысокий, подтянутый, в спортивном костюме. Будущий тесть Игорь Петрович – сразу догадался Тимофей.

– Папа, здравствуй... Это Тим.

– Здравствуй, здравствуй, доча! – Тесть расцеловал Киру; энергично затряс руку, а затем и обнял Тимофея, словно уже близкого родственника. Эта энергичность, открытость очень расположили к себе Тимофея, и он сразу понял, что найдет в тесте союзника и, возможно, друга.

Дальше, во дворе, под садовыми деревьями стояли еще двое – женщина и девочка. Это были Ольга Витальевна, мать Киры, и Геля, младшая ее сестра. В самом деле, прав был попутчик: все эти три osoby женского пола (мать, Кира и Геля) оказались точно под копирку сделанными. Удивительно похожими. Только Геля выглядела совсем ребенком, тощим, в очках, а будущая теща – уже в первых морщинках, с чуть смазанным контуром лица, да и сам цвет лица – желтый, болезненный – напоминал о возрасте.

И Геля, и теща смотрели испуганно, заискивающе, неуверенно, даже как-то жалко, что ли? Стеснялись чужого, наверное, в отличие от Игоря.

– Мама, Геля... Привет! – Кира, обнимая родительницу с сестрой, тоже выглядела как-то неуверенно.

Исходя из первого впечатления, Игорь – вообще настоящий мужик, Ольга – немного курица. Наверное, у Ольги с дочерью были трения, потому Кира и сбежала от родни в Москву. И это, кстати, весьма распространенный случай – когда мать с дочерью не находили общего языка, ссорились, мучились, тяготили друг друга. Ну, а о Геле можно и не думать – цыпленок еще. Вон как дико стесняется, даже от Киры шархается.

...Сад у семейства Гартунг оказался чудесным. Очень большим. Плодовые деревья, кусты с ягодами, много самых разных цветов.

– Вон беседка, там скамеечки, мангал. Шашлыки делать на свежем воздухе... А вон банька. Попаримся-а!.. Там – мастерская моя, здесь гараж, – Игорь Петрович давал по дороге краткие пояснения.

«Какая красота! – восхитился Тимофей, шагая вслед за будущим тестем к дому. – Настоящий рай!»

Сам дом тоже приятно поразил Тимофея – двухэтажный, кирпичный, с деревянной резной лестницей. С простой, но удобной мебелью из цельного, покрытого лаком дерева.

А в большой комнате, служившей так называемой «залой», висели на стенах головы животных. Чучела.

– Я же охотник, – с улыбкой, открывающей явно свои, все еще белые, крепкие, ровные зубы, добродушно пояснил Игорь Петрович. – На охоту люблю ходить. И тебя бы взял, Тимофей. Жалко, что вы ненадолго, ребята. Через недельку мой день рождения, мы собираемся за город поехать... Место одно там есть. Оттуда и ходим на охоту, там все дела, удобно.

– Минутку, – опешил Тимофей и покосился на Киру, шагавшую в отдалении, вместе с матерью и сестрой. – Как день рождения через неделю? Кира сказала, что день рождения завтра...

– Все в порядке, парень! – подмигнул Игорь Петрович. – У меня аж два дня рождения. Фактический и официальный. Родился я в один день, а записали на другой. Мама моя не сразу в ЗАГС смогла пойти за свидетельством. А когда пошла, там, когда меня записывали, с датой маленько напутали. Бывает... Но исправлять потом не стали. Подумаешь, неделя разницы. Не год же! Поэтому я всегда два дня рождения отмечаю. Завтра с родней, в узком кругу, а через неделю уж со всеми гуляем, празднуем. А что, удобно!

– Ясненько... – засмеялся Тимофей – чем дальше, тем сильнее нравился ему тесть, мужик простой и открытый. – Повезло!

– А ты рыжий, смотри... Ох, девки, бойтесь рыжих и косых!

Тимофей захохотал уже в голос, даже в легких закололо.

...Их с Кирой поселили на втором этаже в одной комнате, просторной, с минимумом мебели, но тоже очень уютной. Тимофей немного переживал до того, не хотелось бы проводить ночь без невесты... Десять лет он спал с Кирой в одной кровати. А вдруг родичи Киры решат соблюсти этикет, поселят их в разных местах?

Но нет, отец с матерью у Киры оказались людьми нормальными, без предрассудков.

Мать Киры, показывая Тимофею комнату, сказала, смущенно улыбаясь:

– Вот, здесь жить будете с Кирой. Как, ничего?

– Да все отлично, Ольга Витальевна!

– Если что, обращайтесь... – прошелестела будущая теща, потупив глаза и пятась к двери. – Будьте как дома, деточки мои!

Кира с Тимофеем остались вдвоем.

– Слушай, вы с матерью – одно лицо. Только та старше, конечно, – выпалил Тимофей.

– Говорят, что, если хочешь узнать, как будет выглядеть твоя жена в старости, посмотри на ее мать, – усмехнулась Кира.

– Отлично будешь выглядеть! Мне повезло.

Чуть позже Ольга Витальевна позвала вниз, пить чай. Кира отказалась, сославшись на усталость, а Тимофей спустился, хотя тоже был измучен дорогой, даже голова болела – не сильно, но очень противно.

Посидел часок с тестем (Ольга Витальевна с Гелей тоже ненадолго задержались, ушли спать), выпили сладкого домашнего вина.

Кира уже дремала. Когда Тимофей поднялся, она сонным голосом недовольно попросила не шуметь и не тревожить ее.

– Вот всегда так... – раздраженно буркнул в ответ Тимофей и нырнул под одеяло. Подушка приятно пахла чем-то, какими-то лесными травами.

Все здесь казалось ему чудесным – и дом этот, и будущие родственники, вот если бы еще только голова не болела... Кстати, и Ольга Витальевна, если присмотреться, оказалась очень кроткой женщиной, вряд ли она притесняла Киру.

И чего Кира не вспоминала даже про своих предков? Нет, они созванивались, Кира и ее родители, и вроде как встречались: когда Тимофей был в командировке в Австрии, на пару дней в их с Кирой квартиру приезжала Ольга Витальевна с Гелей... Но не было любви какой-то, что ли, у Киры к ее родне. Кира всегда жила так, словно ее, этой родни, не существовало.

Может быть, Кира – холодная эгоистка?

«Боже мой, а ведь правда... – От неожиданности тело у Тимофея даже мурашками покрылось, его озноб прошиб. – Я дурак. Всегда все замечаю – что в жизни происходит, как другие люди между собой общаются; по работе тоже – как только где колебания в экономике... Но главного-то и не заметил! Вот что называется – сапожник без сапог! Десять лет не обращал внимания на то, как Кира практически игнорировала своих родителей. Своих родных, самых близких людей! Уехала отсюда в шестнадцать лет... *Тринадцать лет* дома не появлялась. И сейчас с великим трудом заставила себя приехать. А это ведь знак! Показатель того, какой она человек, как относится к тем, кто ее любит. Но если так, то и на меня ей наплевать. Я ведь, если подумать, чуть не облизываю ее всю, кожу живьем с себя готов содрать ради нее... А она? Она спокойно принимает дары мои (как материальные, так и нематериальные) и... как само собой разумеющееся! В ЗАГС еле затащил, спустя столько лет! Она хорошая, она мне верна, я точно знаю. Но она холодная. И больше того – ей и не надо ничего. Ужасно, когда женщины корыстны, но не менее ужасно, когда они просто позволяют рядом с собой жить. А Кира именно что позволяет... Она любит только свою музыку, а я, я живой человек, из плоти и крови, я задаром ей не нужен!»

– Кира. Кира, проснись! – вскочив, яростно зашипел Тимофей. – Скажи честно – ты меня любишь?!

Пауза. Но Кира не спала – темнота была наполнена чем-то, каким-то невидимым, неслышимым движением.

Наконец шепотом, тающим, прекрасным, нежным голосом, ответила:

– Тимочка, я люблю тебя. Только, пожалуйста, спи уже.

«О господи... Врет ведь!»

– Ты какая-то не такая.

– Тимочка... Завтра тяжелый день.

– Тяжелый? Дэ Рэ в узком кругу – вот что твой папа сказал.

– Ты просто не знаешь наш узкий круг. Это три мои тетки, их мужья, тоже числом три, кажется, и их дети...

– У твоего отца еще три сестры?

– Двоюродные. Не родные. Но как родные. У моего отца умерла мать, моя бабушка то есть... Ему тогда было четырнадцать лет. И его тогда взяла себе на воспитание сестра покойной матери, бабушка Маруся, у которой уже своих трое детей было.

– Ого, – Тимофей на некоторое время отвлекся. – Сколько родни! И ты их всех не видела все эти тринадцать лет?

– Да, – просто ответила Кира.

– И получается, ты даже не видела, как растет твоя родная сестра Ангелина?

– Да. Да, да, да.

* * *

Этой ночью Кира хотела спать и могла заснуть, она это чувствовала, а вот Тим – наоборот – пыхтел, потел, ворочался с боку на бок, приставал с глупыми вопросами и очень мешал Кире. Затих только под утро.

...Открыла глаза – за кружевными занавесками играли солнечные блики, покачивались ветви деревьев. Картина настолько умиротворяющая, что у Киры защемило сердце. Она тихонько выскользнула из постели, оделась, прислушалась у двери.

В доме было тихо. Ни голосов, ни других звуков. Постояв минут десять, Кира поняла, что никого нет.

Спустилась вниз, на первый этаж, огляделась.

Звериные мертвые морды на стенах, пронзительный блеск стеклянных глаз. Кира их и в детстве боялась, этих морд. И еще ей всегда казалось, что в «зале» чуть-чуть пахнет мертвечиной. Хотя, помнится, отец всегда хвастал, какой знатный таксидермист его приятель, Прохоров, кажется, делает свою работу тщательно, поделки ничуть не портятся от времени и выглядят прекрасно.

Отец и Киру пытался научить стрелять из ружья, но она так и не смогла никого убить. Это же ужасно – убить живое существо, пусть и не имеющее души, как человек. Отец, наверное, хотел мальчика, а у него родились две девочки...

– Доброе утро... – прошелестело рядом. Кира оглянулась – это Геля стояла за ее спиной.

– Привет! – с преувеличенной радостью произнесла Кира. – Как дела?

– Ничего, – опять шепотом сказала Геля. Девочка, видимо, и жаждала общаться со своей старшей сестрой, и стеснялась ужасно.

Не худая, а тощая, на грани дистрофии даже – вот как выглядела Геля. Пестрый сарафан болтался на ней, словно на вешалке. Волосы темные, убраны назад, в хвост. Очки в круглой оправе, некрасивые. «И кто ей такую оправу заказал? Безобразие...» – подумала Кира.

Тим вчера спросил: а правда ли, что она, Кира, даже не видела, как растет ее родная младшая сестренка? Правда. Хотя нет, помнится, несколько лет назад мама с Гелей были проездом в Москве, всего пару дней (Тим в то время отсутствовал). Кажется, Гелю надо было показать московскому светилу, врачу.

Геля родилась раньше срока, и от этого у девочки были проблемы со здоровьем – не смертельные, но неприятные. Кстати, и о рождении сестренки Кира узнала постфактум.

Ей тогда восемнадцать было.

Позвонила мама и странным, словно тающим, усталым голосом сказала, что у Киры родилась сестра. Ангелина.

– Ты родила?! – страшно поразилась Кира. Хотя чего тут удивительного – мать еще не старая была, получается, родила в сорок лет. Не такой уж поздний срок, по нынешним-то временам.

Кира не ревновала. И какой смысл ревновать, за тысячу-то километров друг от друга? Да и не нужна уже была Кире, взрослой девице, материнская ласка и забота на тот момент. Но...

Как это так, мама – родила еще одного ребенка? И, главное, не сказала раньше. Потом-то уже Кира узнала подробности – мама родила раньше срока, Геля не совсем здорова, мучается теми проблемами, которые выпадают на долю недоношенных деток...

– А ты замуж выходишь? – шепотом спросила Геля.

– Ага.

– А платье уже купила?

– Нет. Зачем?

– Как же без платья... – с ужасом прошептала Геля.

И что-то дрогнуло в душе у Киры. Она протянула руку и, улыбаясь, погладила Гелю по голове. «Да она милая девочка! Моя сестра. Моя сестра... А я ничего про нее не знаю. Она мне как чужая. Но она – моя сестра! И как с ней общаться-то, о чем говорить?»

– Покажи мне свою комнату, – подумав, попросила Кира.

– Пойдем, – Геля взяла Киру ладонь своими тонкими, хрупкими (точно лапки у паучка!) пальцами и повела с собой.

Комната Гели – та же, в которой жила когда-то Кира. Но кровать другая, и письменный стол... Куклы в шкафу.

– Ты играешь в куклы?

– Да. Вот это Валя, это Лариса. А вот это Сюзанна...

– А учишься как?

Геля молча полезла в ранец, затем затопала к Кире. Они вместе сели на кровать. Кира принялась листать дневник.

– А что, очень хорошо. Практически одни пятерки. Ты молодец! Ты очень, очень большая молодец! – с гордостью произнесла Кира. А Геля даже покраснела от удовольствия. – Так, а это что? «Была невнимательна на уроке», – с притворной суровостью произнесла Кира (ну а как еще с детьми обращаться?). – Ай-ай-ай, кто-то ворон считал! – Она чуть придавила Геле кончик носа и засмеялась.

А Геля сначала испугалась, а потом засмеялась – тоже шепотом и счастливо.

Кира честно поиграла с младшей сестрой в куклы, потом они поговорили о Гелиной школе, потом Кира рассказала про Москву...

И, кажется, Геля оказалась очень привязчивой. Потому что сразу, почувствовав доброе к себе отношение, уже повисла на Кире. Смеялась, цеплялась за Киру своими «паучьими» лапками, с восторгом и восхищением смотрела в рот старшей сестре... И даже говорить стала в полный голос. Не шептала уже.

Одна из широких лямок сарафана сползла, и Кира увидела на плече Гели пятно. Обычный синяк. Словно кто-то схватил девочку железными пальцами, развернул к себе и спросил сурово: «Тебе написали замечание в дневник? Ты была невнимательна на уроке? Ты меня позоришь, значит, да?»

У Киры вмиг скрутило все внутренности, стало трудно дышать, словно ее ударили под дых. Мир, чудесный мир, в котором играли солнечные зайчики и умиротворяюще качали ветвями деревья на ветру, – этот мир вдруг рухнул, словно стеклянная мозаика, и разбился вдребезги.

– А это что? – шепотом спросила Кира, указав на синяк на плече у Гели.

Девочка покраснела, поправила лямку, пролепетала:

– Ничего. Упала на лестнице.

«Упала на лестнице», – эхом отозвалось в голове у Киры. Как все скучно, противно, неинтересно. Обычный день, никаких чудес. И вообще... Стоило ли так волноваться? Вполне возможно, что младшая сестренка действительно упала на лестнице. Дети – они ведь всегда бегают, падают, набивают синяки и шишки, иногда даже ломают что-нибудь. И ничего страшного и необычного в этом нет. Просто такова жизнь. Таковы все дети.

– Ладно, потом еще поболтаем. Мне пора, – отодвинув Гелю в сторону, устало сказала Кира.

Поднялась к себе, на второй этаж.

Тим уже проснулся. Сидел в кровати с ноутбуком на коленях – рыжий, лохматый, с малиново-розовыми щеками. Как и у всякого рыжеволосого, кожа у Тима была бледной, легко обгорала на солнце и краснела – вот как сейчас.

– Доброе утро... Ты весь горишь, – сказала Кира.

– Жарко, – буркнул Тим.

– Завтракать будешь?

– Не хочу. Ты иди. Мне надо статью дописать, дедлайн до двух.

– Почему ты не отказался? Ты же в отпуске!

– Кира, не говори ерунды. Надо значит надо.

Кира села в кресло и принялась исследовать новый телефон. Сфотографировала Тима, как тот, мрачный, лохматый, с этим малиновым румянцем, шустро лупил по клавишам ноутбука. Смешно! Сняла еще видеоролик.

– Тим, скажи что-нибудь.

– Отстань...

– Ти-им!

– Что за телефон ты выбрала? Мужской какой-то. Черный, грубый, абсолютно неженственный.

– Меня не интересовал дизайн. Главное, чтобы снимал качественно.

– Глупости. Можно было подобрать что-нибудь красивое, без ущерба качеству, – буркнул

Тим. – И эти твои платья, как их...

– Платья-сафари, – Кира расправила на коленях подол. – Тренд сезона, между прочим.

– Дерюга это. Мешок. Гадость. Я столько красивых вещей тебе подарил, а ты...

– Получилось, – улыбнулась Кира. Нажала на воспроизведение. «Что за телефон ты выбрала? Мужской какой-то...» – раздалось из динамика.

Тим поморщился, покачал головой.

– Тим.

– Да?

– Тим, а если мы заберем Гелю к себе?

– В каком смысле? – Жених оторвал взгляд от экрана ноутбука, уставился с недоумением на Киру.

– Она такая худенькая. Больная. А в Москве врачи хорошие. У нее зрение не очень, у нее с опорно-двигательным аппаратом проблемы... Ты же видел, как она сутулится!

– А... Ну что ж. Это мысль. Можем взять ее к себе на время. Ее и маму твою. Покажем девочку специалистам.

– Ты не понял. Если мы возьмем Гелю к себе *насовсем*. Без мамы, без папы, без дядь и тетей... Пусть девочка живет с нами. Как с родителями.

У Тима покраснели даже уши. Он буквально буравил Киру светло-кариими «рысьими» глазами.

– Материнский инстинкт проснулся? – довольно бесцеремонно спросил он. – Понятненько. Давай лучше своего родим. Я не в восторге, но что ж с вами, женщинами, поделаться.

– Ты не понял, – рассердилась Кира. – Я хочу для Гели лучшей жизни.

– Похвально. Ты меня радуешь. Знаешь, все-таки что-то человеческое в тебе есть. А то я вчера переживал, что ты никого не можешь полюбить... Но, милая моя, не поддавайся эйфории. Ты, считай, в первый раз осознала, что у тебя есть сестренка, у тебя проснулись чувства к ней. Только учти – наиграешься быстро, а девочку уже не выгонишь. Это как с приемными детьми – назад хода нет. И потом, – в голосе у Тима зазвучали металлические нотки, – у девочки есть родители. Твои отец и мать. Ты их мнением интересовалась? И еще. Никакие родственники, даже самые добрые и обеспеченные, не заменят ребенку родителей. И третье. Я против постоянного присутствия родни в доме. Можешь считать меня мизантропом. С восемнадцати лет живу один, чему очень рад. Ну, ты сама видела мою маму...

– А я? Как же ты со мной десять лет бок о бок существуешь?

– Ты – это ты. Больше мне никто не нужен.

– Прекрасный ответ. Исчерпывающий... – уныло произнесла Кира. – Но я пошутила. Что-то нашло на меня... Да, Геля славная девочка, но зачем она мне, правда...

* * *

...Первой пришла тетя Зина с дядей Толиком и сыновьями. Тетя Зина – самая старшая из трех сестер отца. Сейчас ей было пятьдесят шесть. Высокая. Широкая в талии и бедрах, фигурой напоминающая грушу. Ходила тетя Зина интересно – затылком вперед.

Да-да, именно затылком вперед. Зад далеко отставлен, голова – лицом чуть вниз, а затылок – стремится вперед, словно тот самый, мифический третий глаз открылся у тетки и им она пытается осмотреть дорогу перед собой.

Коротко стриженная, волосы крашены хной. Лицо смуглое, почерневшее от солнца. Короткие обтягивающие бриджи, кофточка со стразами. Пластиковые сандалии. Если бы не стразы, то можно было принять тетю Зину за типичную огородницу.

– А, Кирка приехала! – завопила тетка издали, разглядывая Киру исподлобья, или, вернее, затылком. – Вспомнила об нас, столичная штучка... Ой, а это кто?! Рыжий какой! Весь в меня, парень, ты погляди! Как тебя... Тимофей? Тимофей, мы родственники с тобой, а?..

Тетя Зина, конечно, шутила, или ей казалось, что она шутит. Орала, смеялась, толкала локтями Киру и Тима, с трудом переносившего подобную хабалистость.

– Не любишь ты громкоголосых дам, ох не любишь! – поддразнила потом шепотом, на ушко, Кира жениха, эстета, московского сноба. Но Тим молчал, терпел.

Дядя Толик – тоже голосистый, смуглый, с наглым взглядом – известный бабник. О том, что он бабник, Кира забыла, но сейчас вспомнила, глядя в дяди-Толины круглые, бесстыдные глаза. Судя по всему, ничего не изменилось. Дядя Толик был все тем же ходок, а тетя Зина все так же орала на мужа, на его многочисленных любовниц... Орала и терпела.

Сыновья тети Зины и дяди Толи, Петр и Павел, – высокие, мощные, молчаливые, посмеиваясь, стояли в стороне. Себе на уме молодые мужички.

Кира понимала, что не должна судить свою родню, думать о них уничижительно, но от грубости тети Зины ее сейчас коржило точно так же, как и в детстве.

– Кир, я слышала, ты теперь в шоу-бизнесе.

– Тетя Зина, ну что ты... Я композитор.

– Ёшкин-матрешкин... «Я композитор»! – передразнила тетка. – Слышь, Игорек, – обратилась она к отцу Киры. – Я всегда знала, что вы совсем мозги свихнете ребенку этой музыкальной школой. И вот смотри, что вышло...

– А что вышло? – преувеличенно спокойно спросил Тим.

– Да ты не слушай ее, – потянул Тима за локоть дядя Толик. – У бабы у самой совсем мозгов нет.

Петр и Павел переглянулись, улыбнулись краешком губ, снисходительно.

– Девчонки и мальчишки! – весело закричал отец, возившийся у мангала. – Садитесь за стол. Анатолий, Тимофей – командуйте там, открывайте вино. Сколько сейчас? Шесть? Да где же остальные гости...

Через минуту появилась средняя сестра отца – тетя Тоня. Под руку с лысым субтильным мужчиной. Мужчина шел вихляющей походкой; приклеенная улыбка, железные зубы. Позади этой пары – девочка-подросток. Ангела? Да, кажется, так звали дочь тети Тони. Когда Кира уезжала из родного города, Ангеле исполнился год. Но кто этот мужчина? Ах да, кажется, мама говорила, у Тони появился кавалер...

– Вон Тонька пришла, и сожитель ейный, Генка, – прокомментировала тетя Зина появление средней сестры. – Ты в курсе, Кир, с кем Тонька связалась? – Тетка чуть понизила голос. – Генка же из этих.

– Из кого?

– Господи, вот правду говорят, что все творческие люди как чокнутые... Сиделец он, сиделец! По одному виду понятно!

– Товарищ сидел в местах не столь отдаленных, – негромко подсказал Тим.

Кира посмотрела на Анжелу – кажется, девочка выглядела несчастной. И была явно не в восторге от Гены – судя по тому, как смотрела на него, на мать. Как опущены были ее плечи. Как сразу побежала к Геле, сидевшей на скамейке в другом конце двора.

– Здравствуй, Кира, – невнятным, бесцветным голосом произнесла новая гостя.

– Здравствуйте, тетя Тоня.

– Это Гена.

– Это Тимофей...

Тетя Тоня – баба-ягодка, сорок пять. Довольно-таки массивное туловище и длинные, тонкие ноги с узкими щиколотками. Черное платье. Чулки в сеточку, туфли на каблуках. Обесцвеченные бело-желтые кудри. Издалека тетя Тоня казалась относительно молодой и интересной, вблизи – пугала. Потому что вблизи угадывался ее возраст, который странно контрастировал с ее одеждой. Лицо, напоминающее маску, из-за обилия косметики. И самое главное – очки, в них – толстые стекла, для дальнозорких, увеличивающие. Из-за этих очков глаза у тети Тони казались огромными. Она словно смотрела на жизнь сквозь аквариум. Взгляд странный, плавающий, пугающий.

Тетя Тоня отличалась медлительностью и исключительной бестолковостью, была всегда спокойна и никогда не истерила, в отличие от своей старшей сестры, тети Зины. Тетя Тоня – не злая, но и не добрая. Никакая. Словно рыба.

О, точно, рыба! И, да, уточнение – она не сквозь аквариум на жизнь смотрела, она уже внутри него находилась, плавая в толще воды – почти не слыша, почти не видя, почти не понимая ничего того, что творится вокруг.

Вот такое, тоже не слишком доброе, было у Киры впечатление и от средней тетки.

– Шашлыком пахнет. Отличное мясо. Игорь Петрович кулинар. Мировой повар. Вообще мужчины – лучшие повара, – ни к кому конкретно не обращаясь, забубнил Гена доброжелательным голосом. – У нас в Магадане был повар. Щи из топора мог сделать. Как сейчас помню. Капуста и тушенка только были. А он щи сделал, приправ еще накидал. Мировой повар. Шашлыком пахнет. Отличное мясо. Я же говорю, мужчины – лучшие повара...

Гена бубнил и бубнил, словно его прорвало, повторяя по несколько раз отдельные фразы. Он говорил сам с собой. Постоянно, судя по всему. И в этом бесконечном, бессвязном потоке слов сквозило безумие. «Он сумасшедший, – брезгливо подумала Кира. – Сумасшедший, бывший уголовник к тому же. Господи, и как только тетя Тоня согласилась с ним встречаться? Как согласилась привести в дом, где ее дочь-подросток живет...»

Словом, впечатления от родных у Киры пока были не самые приятные.

Но она надеялась, что еще не все потеряно.

Скоро должны были прийти тетя Лида с мужем Виктором.

Впрочем, какая тетя Лида. Лида. Просто Лида. Всего лишь на девять лет старше Киры (сейчас Лиде – тридцать восемь). Красавица и умница, старшая подруга Киры в далекие года. И муж у Лиды – замечательный (мать рассказывала), единственное – в их семье не было детей. Ну и что, не все же рвутся стать родителями...

Тетя Лида появилась, когда все уже сели за стол в беседке, отец принес шашлыки.

– А вот и красавица наша плывет... – наклонив голову затылком вперед, пробормотала тетя Зина. – Вечно опаздывает, никакого уважения.

Лида ничуть не изменилась за те тринадцать лет, что не видела любимую тетушку Кира.

Все такая же прекрасная. Роскошные волосы – золотые, выющиеся, длинные (змееволосяя!), тонкая талия, большая грудь. Нежный овал подбородка. Скульптурные ноздри. Безмятежные, огромные, блестящие глаза (волоокая!).

Лида увидела Киру, улыбнулась.

– Лида! – обрадовалась Кира, выскочила из-за стола, побежала тетке навстречу. В последний момент смутилась, но все равно не стала сдерживаться, изо всех сил обняла Лиду, расцеловала.

– Беглянка, – с упреком сказала Лида. – Сбежала и не появлялась.

– Так получилось...

– А это Виктор, муж мой, даже уж и не соображу, видела ты его когда или нет.

Хотя нет, Лида изменилась – чуть полнее стал овал лица, чуть тяжелее походка, сеточка морщин возле глаз. Да и волосы подкрашены – оттенок другой. Вероятно, седину прятала. Но, в сущности, изменения минимальны...

Виктор понравился Кире – спокойный вежливый мужчина с иконописным, строгим, красивым лицом. Словно персонаж из детских фильмов-сказок времен Александра Роу. Эдакий положительный Иван-царевич. Виктор с Лидой безусловно выглядели *парой*.

Наконец все расселись за столом в беседке.

– Ну, я, как старшая, хочу поздравить нашего дорогого братца, Игоря, с пятидесятилетием. Игоряша, желаю тебе счастья, здоровья, любви... – первой поднялась тетя Зина.

Звон бокалов, поздравления со всех сторон.

– Игорек, чтоб еще три раза по столько!

– Ой, три раза многовато. Двух хватит!

– Брателло, за тебя... – это Гена.

– Я тебе не брателло, но спасибо, – стальным голосом, отец. – Смотри у меня.

– Игорь, свет ты наш ясный... Чтоб в следующем году подполковника получил...

– А почему в следующем, а не в этом?..

– Шашлык, шашлык-то какой изумительный!

Еще череда тостов, разговоров ни о чем. Мать хлопотала, бегала вокруг стола, поднося закуски...

А потом все дружно повернулись к Кире.

Словно с самого начала ждали именно этого момента.

– Кира, детка. Ну кто же мог подумать. Такая худенькая была, слабенькая, невидненькая совсем. Это я не в обиду тебе говорю! И вот – композитор.

– Кира талант, – с улыбкой произнесла тетя Лида, слегка раздумавшаяся от вина. – Я всегда от нее чего-то подобного ждала. И, знаете, совсем не удивлена.

– И что, правду говорят, балет ставишь?

– Будет балет на музыку, которую я сочинила, – поправила Кира.

– И театр, говорят, специально для тебя построили?

– Нет, не для меня, для всех! – отбивалась Кира.

– А я слышала, что Главный театр собираются закрыть, а этот, Новый, – станет главным.

– Это слухи... Никто ничего закрывать не собирается.

– Нет, ну а что, правильно, – басом произнесла тетя Зина. – У них, в этом Главном, давно черт-те что творится. То уволят неугодных, то еще скандал какой, то ручки дверные разворуют, то канделябры. Были золотые, их своровали, привинтили пластмассовые. Я об этом в газете читала. А то еще моду взяли – кислотой всем неугодным в морду плескать!

– Все не так... – замахала руками Кира. – Театр – это не только дверные ручки. Это школа, это атмосфера, это...

– Ты их еще и защищаешь?! – вспыхнула тетя Зина. – По телевизору чуть не каждый день об ихних интригах. Тоже мне, деятели искусства! Позор, а не деятели. То порнографию в Интернет выложат, эти примы-балерины, зады свои голые, то еще что. И правильно новый театр придумали на замену старому. Может быть, дело получится.

– Глас народа! – со смешком поднял палец дядя Толя. – Ты слушай Зинку, Кира, она у нас лучше всех в искусстве разбирается. От телевизора не отлепишь. То танцы на Первом канале смотрит, то фигурное катание, то кто лучше песню споет...

– Ты лучше вот что скажи, Кира, – решительно вклинилась в разговор тетя Лида. – О чем балет? Как будет называться?

– «Красная Шапочка», – держа в руках шампур с мясом, меланхолично произнес Тим.

– Что?.. Правда?! – поразились тетя Зина. – Seriously?..

– А почему нет, – пожал плечами дядя Виктор. – Есть же балет «Щелкунчик» по сказке Гофмана. А «Лебединое озеро»?..

– «Щелкунчик» – мой любимый балет, – улыбаясь, заметила тетя Лида. – Даже не балет, а музыка... Она необыкновенная.словно само счастье. Ах, Кира, милая, какими чудесными вещами ты занимаешься. И, знаете... – тетя Лида обвела всех глазами, – мне кажется, сюжет Красной Шапочки уникален, универсален. Его ведь не зря постоянно интерпретируют – то в кино, то в литературе...

– Училка... – вздохнула, махнув рукой тетя Зина. В самом деле, Лида работала учительницей в школе, преподавала русский язык и литературу.

– А напоите чего-нибудь, из избранного, – предложил, вполне искренне и любезно, сожитель тети Тони – Гена. – Напоите. Из избранного.

– Отстань от девчонки, брателло, – жестко произнес отец. Он явно с трудом выносил присутствие Гены за столом. И с улыбкой сказал, глядя на Киру: – Завидно вам всем, братцы, что старшая дочка у меня такая. Ну да сам рос

– За Игоря. За самого лучшего мужа и отца! – выпалила тетя Тоня, до того молчавшая.

На какое-то время Киру оставили в покое. Нет, она не обижалась, не злилась на свою родню, ее не коробили наивные вопросы, завуалированные шпильки... Дело в том, что она ожидала чего-то подобного. Поэтому не удивлялась ничему. Просто пережидала время. Завтра они с Тимом уедут отсюда.

...Лес. Дремучий лес, населенный множеством зверей. Хитрые лисы, забавные и пугливые зайцы. Нежные косули. Бестолковые и упрямые кабаны. Добродушный увалень медведь. Ночные совы. Юркие белки.

Волк!

Опасный, жестокий зверь. Хищник. Красивый хищник...

И весь этот дивный лесной народ кружится в пестром хороводе под музыку (у каждого из населяющих лес – своя мелодия). То минорную, то мажорную...

В лесу живет старушка. Милая пожилая женщина, находящаяся в гармонии с лесом, с природой, со зверями.

И вот однажды в гости к этой старушке отправляется ее внучка, юная особа. Кокетливая девчонка в городской шапочке красного цвета... Она не знает, что на лесной тропинке ей встретится Волк. Опасный хищник.

И только помощь отважного Лесника поможет Красной Шапочке избежать опасности.

В общем, сюжет балета – всем известный, единственное – никаких Дровосеков и тем более Охотников в нем задействовано не было. А был – Лесник. Спасал юную деву и противостоял Волку – воплощению звериной, злой сущности. Даже, как умудрились написать некоторые критики в предварительных рецензиях, – воплощению тоталитаризма. А Лесник якобы представлял демократические, гуманистические ценности. «И вы сами понимаете, на кого создатели балета намекают, на какие фигуры...» – шептались в кулуарах.

Ну, до тоталитаризма Кира, писавшая музыку, не додумалась. Впрочем, углядел кто тоталитаризм – да ради бога. Главное, чтобы музыка ложилась на душу.

Да, и другой важный момент. Предполагаемая премьера «Красной Шапочки» еще и потому ожидалась сенсационной, что в роли Волка должен был выступить известный танцор NN, до того блиставший в Главном театре страны и со скандалом изгнанный из него.

Роли других персонажей дали тоже пусть и перспективным, но молодым еще звездам, но этот скандально известный танцор NN...

Данное обстоятельство (что в балете задействован NN) подливало масла в огонь еще больше, давало повод говорить громче, что Новый театр – вовсе не альтернатива Главному театру, и не просто новый, очередной столичный театр – а именно что Новый главный театр.

Чем ближе была осень, тем сильнее Кира понимала, что скандал в обществе неизбежен. Да, Новый театр его создатели планировали изначально как театр, свободный от интриг, но само его открытие уже было провокацией. И балет «Красная Шапочка»... Что там режиссер-постановщик намудрил с намеками на власти предрежающие?!

– Кир, а Кир!

– А... что, тетя Зина?

– Ты прямо как не от мира сего. Я тебя спрашиваю – детей-то с мужем планируете?

– Зина, перестань, – с укоризной одернула тетя Лида старшую сестру. – О таких вещах не спрашивают.

– Не, ну а что... Они десять лет жили и вдруг надумали расписаться. То есть столько лет им пофиг было, что не расписаны, а тут опомнились! – вещала тетя Зина, уже слегка захмелевшая. – С чего это? А если Кира ребеночка ждет – уже в положении, значит?

Все опять с интересом посмотрели на Киру.

– Как только, так сразу всем вам скажем, – флегматично пообещал Тим, от выпитого вина в малиново-розовых пятнах (у него была аллергия на алкоголь, проявлявшаяся именно таким образом).

– Зина! – рассердилась тетя Лида.

– А ты молчи. Ты-то, ты-то что пустоцветом ходишь, молодая еще!

– Я попрошу... – Виктор, муж тети Лиды, начал медленно подниматься из-за стола, укоризненно хмурясь.

– Вить, не обращай на нее внимания!

– Да, Зин, сколько можно... Это день рождения твоего брата, неужели нельзя без скандала обойтись?..

К счастью, скандал, едва зародившись, тут же погас – появился Руслан Брагин, подполковник, начальник отдела, в котором служил отец Киры.

Кира хорошо, чуть не с младенчества, помнила Брагина... Спустя годы он изменился – заматерел, погрузнел, появился живот, взгляд свинцово-серых глаз стал пронзительным, жестким, тоже тяжелым. Только похожий на подкову шрам на его лбу – у кромки волос, справа – остался неизменным.

– Здравия желаю всем. Игорь, друг, прими мои поздравления... Это тебе сверточек, потом посмотришь.

– Руслан! Спасибо. Прошу к столу...

– Нет-нет-нет, я на минуту. Вот через неделю – да, вместе отпразднуем... – говорил Брагин тяжело, отрывисто, словно камни ворочал. – Дамы, всем привет. Зина, Тоня. Лида...

Показалось Кире или нет – но тетя Лида, увидев Брагина, помрачнела, отвернулась, едва кивнув.

И Кира, кстати, тоже недолюбливала, побаивалась Брагина – человека жесткого, решительного. Не человек даже он, а скала, о которую можно легко расшибиться, если вовремя не затормозить.

Раньше Брагин вообще не замечал Киры, девчонки тогда еще. Она надеялась, что и сейчас начальник отца, не заметив ее, уйдет.

Но нет, ошиблась.

– Игорь... Это твои молодые приехали?

– Да, вспомнили про старика... Тимофей, мой будущий зять, это Кира... Узнал? Ребята, это Руслан Эдуардович Брагин, мой сослуживец, друг, начальник.

– Кореш, собутыльник, союзник...

Мужчины захохотали, пожимая друг другу руки и хлопая по плечам.

– Кира Игоревна, очень рад встрече, – Брагин направился к Кире, взял ее за руку, отвел чуть в сторону от стола. – Кира Игоревна, надеюсь, будете с нами на охоте?

«Как интересно. Раньше меня в упор не видел, даже не здоровался. А тут так вежлив... Я была ребенком, он не считал меня за человека. А теперь я не ребенок... Да, есть люди, которые детей за людей не считают!»

– Нет, к сожалению. Завтра уезжаем, – покачала головой Кира.

– Всего на пару дней приехали? Ой, нехорошо... – Брагин попытался изобразить улыбку.

– Дела. У Тима работа, едва вырвался, и я тоже...

– Да. Я в курсе. Слышал. Композитор, балет, театр.

– Премьера скоро. Без меня никак, – подхватила Кира. Она лгала. Уж она-то, именно она, автор музыки, – сейчас не нужна была в Москве. Ее присутствия не требовалось. А зачем? Она только запустила этот механизм, написала музыку. Всё. Теперь над спектаклем работали артисты, балетмейстер, декораторы, оформители, костюмеры.

– Что ж... Понимаю, – серьезно, с уважением произнес Брагин. «Нет, он со мной сейчас разговаривает не потому, что я выросла и уже не ребенок... Он со мной разговаривает потому, что я стала, с его точки зрения, *человеком*. То есть добила что-то, не пустое место. Он делит окружающих на тех, с кем можно общаться, и тех, кто этого недостоин. Я должна быть польщена, гм...» – Но жалко. А то сходили бы всей компанией на охоту, с будущим супругом. На кабанчика. Тимофей Михайлович интересуется охотой?

– Нет, не замечала.

– Очень зря. Прекрасный отдых. Для настоящих мужчин. Кабан – он по своей опасности для человека – на втором месте после медведя. Ну и волки, само собой, у нас в лесах водятся... У нас много волков развелось, кстати.

– Волков? – вздрогнула Кира. Она, конечно, с детства знала, что в местных лесах много всякой разной живности водится, в том числе и волков. Но когда она писала музыку к своему балету, о том не думала. И только сейчас осознала, что сказка столь тесно связана с реальностью. И злой волк – он вот, где-то рядом, в лесу... Настоящий, живой, с шерстью и клыками!

– Да. Их отстрел сейчас разрешен – уж больно увеличилась популяция, жители местных деревень жалуются – иногда звери из леса выходят, даже сейчас, летом. На скот нападают.

– А на людей?

– Бог миловал. Но, конечно, если волков не отстреливать, то и до людей доберутся. Но, помимо волков и кабанов, и дичь, гусей-уток, пострелять можно... Охота – древнее занятие. Это – ритуал, это целая философия, можно сказать... А вам, поди, зверушек жалко? – Брагин наконец улыбнулся – одними губами. Взгляд его при этом оставался жестким, внимательным, от него не ускользал ни один нюанс в поведении Киры.

– Жалко, да... – растерявшись, согласилась она.

– Женщины! – всплеснув руками, опять изобразил улыбку Брагин. Его позвал отец – и Брагин отошел от Киры.

Поговорил с отцом, потом взял Тима под ручку, побеседовал и с ним, с большим уважением. Перебросился парой фраз с дядей Толиком, что-то сказал и дяде Вите. Остальных пропустил. Гену не заметил вообще, словно его не существовало. Да Гена и не лез на глаза грозному подполковнику, сидел, спрятавшись за тети-Тониной спиной, и почти не дышал, зная

свое место. Затем Брагин направился в сторону тети Лиды, но та вдруг встала из-за стола, принялась помогать Кириной матери, ускользнув от общения с гостем.

Больше достойных собеседников Руслан Брагин для себя не нашел. Откланялся и исчез.

...Утром следующего дня Тим засел за очередную статью. Мрачный, опять малиново-румяный. Пожаловался на головную боль («Перебрали мы вчера... эх, вот за что не люблю вино!») и попросил Киру не мешать ему.

Кира спустилась на первый этаж, немного поиграла с Гелей. Потом появилась мать и с застенчивой, робкой улыбкой сказала:

– Ну вот, как быстро время пролетело... Сегодня вечером уже на поезд пора.

– Приезжай еще! – пылко шепотом произнесла Геля и изо всех сил прижалась к Кириному плечу щекой.

– Обязательно.

– А когда? Скоро?

– Геля, детка, не будь такой навязчивой... – ласково упрекнула младшую дочь мать.

– Когда-нибудь приеду, – пообещала Кира. – Точнее сказать не могу.

Кира лгала. На самом деле она даже не думала о том, чтобы вновь заглянуть в родной дом. Ну, может быть, еще через несколько лет, когда у кого-нибудь из родни случится очередной юбилей. А так – ездить сюда скучно и тяжело. Мучительно даже. Что ж поделать – родное гнездо стало ей чужим...

Мать села в дверях комнаты и с блаженной, бессмысленной улыбкой смотрела на дочерей, старшую и младшую, лепетала какие-то банальные глупости и не думала уходить.

Кире настолько невыносимо стало от ее присутствия, от виноватого голоса и вида матери, что она заявила:

– Пойду хоть город посмотрю напоследок.

– Я с тобой! – тут же вызвалась Геля.

– Нет-нет, я быстро по улицам пробежусь и обратно... У меня свои воспоминания.

– Да-да, свои воспоминания... – эхом отозвалась мать. – Геля, не мешай Кирочке.

...Улица с высокими заборами, за которыми прятались соседние дома. Кто там жил? Кира не помнила. Когда у всех такие высокие заборы, глухие стены – вряд ли запомнишь.

Нет, конечно, соседи общались между собой, изредка выходили на общие собрания (когда, например, решался вопрос с уличным освещением), знали, кто где, как зовут, в лицо, но – никакой открытости, жизни нараспашку. Это все-таки не деревня, а город, пусть и небольшой.

Дети встречались на улице, бежали в ближайший парк – там играли. В гости иногда ходили, но Кира – нет, к себе ей звать было запрещено и к другим ходить не разрешали. Все очень строго, чтобы не прослыть навязчивой, да и чтобы о родном доме не пошли сплетни... Отец же Киры – полицейский (вернее, тогда – еще милиционер), человек серьезной профессии, нечего дома вокзал устраивать.

Поворот, еще улица, проспект с липами.

Липы цвели, и от их запаха у Киры запершило в горле. Она остановилась в скверике, что неподалеку от бывшей школы, огляделась. Кажется, тут ничего не изменилось.

Старинные одноэтажные дома. Тихо, тепло. Солнце, ни ветерка. И эти липы, какой от них запах! Всего пара прохожих-то... И всего одна машина – черный внедорожник, припаркована напротив.

Школа стоит пустая, занятия в ней кончились. Поэтому тут так тихо. И в городе никто не знает, что приехала она, Кира.

А зачем кому-то знать? Подруг в детстве у Киры почти не было... А те, что появлялись, – не подруги даже, а приятельницы – на то время, пока перемена в школе длится, поболтать о пустяках. Кире не до дружбы было, она все свое свободное время занималась музыкой.

Дойти, что ли, до музыкальной школы? А смысл? Любимая учительница – та, что готовила Киру к карьере пианистки, – умерла давно. Смысла нет.

Так и стояла Кира под липами, смотрела на свою старую школу.

* * *

Ее нигде не получалось найти – ни в «Одноклассниках», ни в других социальных сетях. Она и раньше одиночкой по жизни шла, и когда выросла – такой же осталась.

А Сергей мечтал еще раз увидеть Киру. Она сколько лет не выходила у него из головы... По-хорошему, надо было поехать в Москву, найти ее. Но сначала Сергей служил в армии, а потом, когда вернулся, через знакомых, связанных с ее семьей, узнал – Кира нашла себе москвича, с ним теперь живет в гражданском браке.

От злости на Киру (хотя она не обещала его из армии ждать, она вообще ничего не обещала) Сергей сошелся с Ксенией, потом Ксения забеременела... неожиданно, как водится. Пришлось жениться. И вроде как смысла совсем уже нет искать Киру, мечтать о ней.

Родной дядя Сергея занимался ковкой оружия, он племянника в напарники взял. Потом дядя умер (одиноким, бездетным), и дело перешло Сергею. Ну, и клиенты, само собой, и все связи...

Работы – выше крыши, не до романтизма. Сергей работал сутками у себя в кузнице, о Кире первое время вспоминал редко. А тут еще семья, сын родился... Но с женой не очень получилось. Ксения оказалась придирчивой, нервной, обижалась чуть что. Злилась, ревновала к каждому столбу, к работе... ко всему.

Это ужасно, когда жена вечно всем недовольна. Поэтому Сергей, намаявшийся за годы брака, решил развестись. Сын большой, десять скоро, уже понимал парень, что родителям вместе не ужиться. А Сергей все чаще стал вспоминать о Кире...

И вот, не прошло и пары месяцев с тех пор, как их с Ксенией официально развели, и он узнал, что в город скоро приедет Кира. Кира, его первая и, по сути, единственная любовь. Кира, его наваждение и счастье...

Узнал случайно – клиент, работавший в городском отделе полиции, пришел забирать заказ (шашка на стену, на ковер повесить, для красоты, для устрашения!) и обронил – у майора, которому подарок этот предназначается, скоро юбилей. И что гости к майору из Москвы приедут – тоже добавил мимоходом.

Сергей сразу понял, что за гости.

Кира!

Кира будет здесь. Совсем рядом. Как не посмотреть на нее? Да, у нее сейчас муж, или кто там он ей, да, тринадцать лет прошло с того дня, как бывшие одноклассники расстались. Да, возможно, Кира забыла о Сергее и он задаром ей не нужен. Да, скорее всего, она превратилась в столичную штучку, изменилась, стала другим человеком... Да, да, да. Но отчего не взглянуть на нее, хотя бы краешком глаза?!

Сергей караулил у дома Гартунгов – нарезал круги на своем авто в те дни, когда у отца Киры Игоря Петровича намечался юбилей. Вернее, юбилей – фактический и официальный.

Сунуться к Гартунгам, переговорить с тем же Игорем Петровичем напрямую – никак нельзя. Отец Киры когда узнал, что у дочери роман, то запретил ей встречаться с Сергеем (рано, девчонка еще совсем), а потом и вовсе отослал ее в Москву. Ну, или сама Кира в Москву сбежала... Словом, Сергей и Кириным отец – до сих пор в состоянии холодной войны. Иногда сталкивались друг с другом в городе – Игорь Петрович делал вид, что знать не знает Сергея... А может, и правда не мог узнать. Забыл. И потом, спрашивать о Кире, когда она замужем уже... Глупо.

Переговорить с матерью Киры? Но она, словно курица, шарахалась от всех, чокнутая какая-то тетка. Муж ее, что ли, запугал... Спросить у сестренки? Тоже не самая удачная мысль. Только переполошишь девчонку.

Оставалось только ждать того момента, когда Кира выйдет на улицу.

Но Кира если и находилась в доме отца, то не появлялась в городе.

...Сергей сделал еще один круг, потом выехал на проспект, припарковался у тротуара. «Бесполезно вокруг ее дома кружиться, и так всем глаза намозолить успел. Надо что-то радикальное придумать. Например, попросить кого-нибудь из бывших одноклассниц позвонить Кире, вызвать сюда... Голомазову или Приходько попросить? Но а если за Кирой ее муж поперется?»

По проспекту, под липами, медленно шла девушка.

Сергей еще не видел ее лица. Только вдруг дыхание отчего-то перехватило, и сердце забилося.

Это же она. Она, Кира.

Словно сам Бог услышал мольбы и послал ее сюда. Чудо!

Сергей несколько секунд сидел неподвижно, пытаясь справиться с волнением, затем выскочил из машины. Догнал девушку и спросил в спину:

– Кира?

Девушка оглянулась.

То же милое лицо, тот же испуганный и строгий взгляд прозрачных голубых глаз... Словно и не менялась. Нет, изменилась – стала еще краше.

– Сергей? – прошептали ее губы.

И голос, голос ее, все тот же, напоминающий музыку, навеки родной голос!

Сергей сделал еще шаг навстречу:

– Это я, Кира. Сергей. Узнала? А я тебя – сразу узнал.

* * *

Сергей спросил, узнала ли она его. А Кира его в первый момент совсем не узнала. Был светловолосый тощий юнец – стал двухметровый дядька с гривой темных волос. Как так? Волосы же светлые, пшеничные должны быть у Сергея... А волосы другие совсем! И еще сизые от щетины щеки. Даже говорил Сергей теперь другим – низким, очень низким голосом, точно шмель гудел.

– Это правда ты? – вырвалось у Киры. Хотя теперь-то она убедилась – перед ней именно он, ее бывший возлюбленный.

– Ты меня совсем забыла... Слушай. Дай же, дай мне на тебя посмотреть! – Он взял ее за руки, повернул. – Какая ты маленькая.

– Это ты вымахал.

– Кира... Ты ведь не одна?

– В каком смысле? А, да, я не одна.

– Детей нет?

– Нет.

– А у меня сын. Десять лет. Артем.

– Я тебя поздравляю, Сережа.

– С женой в разводе.

– С разводом поздравлять не буду... – засмеялась Кира. Она испытывала странные чувства, с одной стороны – была рада Сергею, мечтала его увидеть, вспоминала о нем часто, а вот встретились лицом к лицу – и страх напал.

Словно опять она совершала нечто стыдное, плохое.

– Ты мне не рада.
– Рада!
– Нет. Я же вижу.
– Мне некогда, Сереженька. Мы сегодня уже уезжаем, – она достала из нагрудного кармана телефон, посмотрела на экран, на часы. – Вот... Уже пора. Надо домой идти, собираться.
– И не посидим, не поговорим? – с отчаянием, мрачно спросил он.
– Так некогда же!
– Давай я тебя подвезу.
– Нет. Вдруг кто-нибудь увидит. Нет! – Она попыталась вырвать свои руки из его лап, но Сергей держал крепко, не отпускал. И жалко было его, и мысль эта в голове у Кире свербила – поздно, поздно, ничего не исправишь...
– Ты думаешь, я не пара тебе.
– Что? Ты спятил. Какая пара...
– Да, я слышал. Ты теперь москвичка, известная. А кто я...
– Дело не в этом! – рассердилась Кира.
– А в чем?
– Я не знаю, в чем, только я опаздываю. Все, все. Пусти меня.
– Я не дурак. Встретить и просто так отпустить потом? Да ни за что. Я, может, и не увижу тебя больше... Это мой последний шанс.

Сергей притянул Кире к себе, наклонил назад и прижался к губам с поцелуем. От неожиданности Кира обмякла. Сопrotивляться она не могла, чувствуя себя в лапах Сергея тряпичной куклой.

Ах, ну да, он же кузнец, работает с металлом, вот потому у него и ладони словно из железа...

Как странно. Иногда Кире снилось, будто она опять с Сергеем и они любят друг друга. Но во снах к Кире приходил прежний Сережка – белобрысый юноша, стеснительный и нежный... Сейчас же она целовалась с чужим, почти незнакомым мужчиной.

– Пусти.
– Послушай...
– Сергей!
– Не уходи... – Дыхание его было горячим – словно раскаленный ветер дул Кире в лицо, обжигал кожу. Девушка отворачивалась, отталкивала Сергея от себя, жмурилась.
– Ты меня не любишь. Ты меня никогда не любила.
– Поздно.
– Ничего не поздно. Поздно – это когда умрешь, и вот тогда уже точно ничего изменить нельзя, – он целовал ее – в щеки, лоб, губы, нос, плечи, шею.
– Так не бывает, – простонала Кира. – Ой... Ты с ума сошел. Ты меня не знаешь. Я другая. Ты... Ой. Ты меня выдумал!

Она наконец вырвалась и, задыхаясь, отскочила назад. Поправила растрепавшиеся волосы, одернула платье.

– Уходишь все-таки? – мрачно спросил Сергей.
– Да. Прощай.
Сергей повернулся, пошел прочь. Кажется, плечи его подергивались. Он плакал? Он – плакал?!

«Бред какой-то... – с ужасом подумала Кира. – Я с ума сойду. И что мне делать теперь? Я же замуж выхожу, я же Тима люблю... Или не люблю?»

Кира не стала развивать свою мысль и чуть ли не бегом заторопилась обратно к дому.
...Ткнулась в калитку – открыта. Получается, все это время во двор мог проникнуть кто угодно. Город был относительно тихим, да и вряд ли кто в здравом рассудке сунулся бы в

жилище майора полиции, но... «Черт. Забыла попросить закрыть за собой. Ну и что? Какая разница, все равно уезжаю, не будет мне никто эту незапертую калитку припоминать!»

Калитка в заборе запиралась изнутри на широкий засов. Да, был еще замок – на тот случай, если дом покидали все его жильцы, но такое случалось крайне редко. Обычно в доме всегда оставался кто-то, в основном мать.

Иногда, вот как вчера, засов специально не задвигали, и гости заходили во двор без звонка, потому что не набегаясь – всем дверь открывать.

Кира зашла во двор, задвинула засов, торопливо взбежала на крыльцо.

Тим уже сидел в прихожей, напротив на стуле – мать с Гелей на коленях.

– Пришла! Наконец-то. Я уже звонить тебе собирался, – с раздражением встретил ее жених.

– Еще же час до отъезда, – напомнила Кира.

– Сейчас твой отец обещал быть. Он нас на вокзал отвезет.

– Он же на работе, мы утром попрощались...

– Говорит, появилось «окно».

Звонок.

– Геля, беги, открой, это папа...

Как хорошо, что отец не заметил оплошности Киры, оставившей калитку незапертой!

Геля убежала, мать поднялась, обняла Киру. Руки у матери дрожали, она, судя по всему, едва сдерживала слезы.

– Мама, все хорошо.

– Когда я тебя еще увижу, деточка моя! – прошептала мать на ухо Кире. От матери пахло сложной смесью лекарств. – Сколько лет еще ждать...

– Мама! – простонала Кира.

Мать уже рыдала в голос.

– Так, кто это у нас тут сырость разводит? – В дом вошел отец. – Олюшка, кончай рыдать. Присядем на дорожку.

Все сели – кто куда, Геля – опять на колени к рыдающей матери. У младшей сестренки глаза тоже на мокром месте были – всхлипывала, вытирала пальцем слезы из-под очков. Смешная...

У Тима на лице застыла гримаса недовольства, раздражения, отвращения. Он то и дело откашливался, словно в горле ком застрял.

– Ну-с, пора, – отец вскочил на ноги, схватился за ручку чемодана на колесиках. – Вперед, с песней! И веселее, товарищи, веселее! Тимофей, ну ты-то чего раскис?

Кира встала, мать с Гелей тоже. Тим все сидел, опустив голову, все с той же гримасой на лице, и словно не слышал ничего.

– Ти-им? – позвала Кира. – Тим, что с тобой?

Тим сглотнул. Поморщился, потом вдруг закрыл глаза, стал заваливаться на бок.

И – упал на пол.

– Тим?! – с ужасом прошептала Кира. Ее и без того мучила совесть, что она целовалась только что с бывшим возлюбленным, что позволяла трогать себя чужому мужчине, что слушала всяческие признания... А тут как расплата наступила. Только почему не ее наказывают, а Тима, ни в чем не виноватого?..

К счастью, Тим через несколько мгновений открыл глаза, попытался встать. Отец помог ему подняться.

– Что-то мне хреново... – вяло произнес Тим.

– Да ты весь горишь! – Кира прикоснулась ладонью к его лбу.

– Что же делать-то... – запричитала шепотом мать. – Как же вы поедете, если Тимофей в таком состоянии?

– Никак они не поедут, – отрезал отец, внимательно глядя на будущего зятя. – Да и не пустят тебя в поезд, брат. В больницу надо. Добраться до машины сможешь или «Скорую» вызвать?

– Смогу, – пробормотал Тим.

– Обопрись о плечо... Кира, ты с другой стороны. Пошли. Геля, открой пока ворота!

Всю дорогу до больницы у Киры теплилась надежда, что, может быть, обойдется. Что Тиму сделают укол, ему станет лучше и они сядут в поезд. Наивные, детские фантазии.

Тиму лучше так и не стало.

Доехали до больницы.

– Сидите, я сейчас... – Отец выскочил из машины, легко и стремительно, точно мальчишка, взлетел на крыльцо – туда, где находилась дверь, ведущая в приемный покой.

В детстве Кире несколько раз приходилось лежать в этой больнице. Когда аппендицит вырезали, рука поломалась, еще там... Не слишком веселые воспоминания. Оттуда, из детства, шло ощущение тоски и безнадёжности.

Внутри больницы, Кира помнила, длинные коридоры, стены крашены в зеленый цвет. Зеленый сам по себе – хороший, веселый цвет, но есть у него такой противный-противный оттенок с примесью болотного, от которого кошки на душе скребут.

Постылый зеленый, казенный зеленый. Напоминает плесень, застоявшуюся воду в луже за свалкой. Веет холодом и формалином. Да, именно так: на первом плане резкое химическое амбре, а за ним едва различимые нотки разложения... Страшно. Тоскливо.

– Тимочка, держись, – пробормотала Кира, глядя Тима по пылающей от жара щеке.

Он застонал, поморщился.

Кира еще ни разу не видела жениха в таком состоянии. Тим, даже когда болел, сохранял бодрый, деловой настрой...

Через минуту появился отец в сопровождении высокого лопухого парня с дурашливой улыбкой на лице – тот катил перед собой черное кресло на колесиках.

– Транспорт подан! – заржав, сообщил парень. Санитар, наверное, медбрат?

– Корзинкин, давай без шуточек, – строго произнес отец. Подхватил Тима, помог тому перебраться в кресло. – Доктор сейчас будет, хороший доктор – Захаров, он осмотрит тебя, Тимофей.

Отец покатил Тима в кресле, а Кира пошла за ними.

Небольшой холл с полом, выложенным кафельной плиткой, и – знакомые зеленые стены. У девушки даже сердце сжалось...

– Проходите! – крикнули из распахнутых дверей.

Там, в приемном, их всех встретил доктор Захаров – дядька лет сорока, жилистый, небритый, с пронзительным взглядом голубых глаз. Он до безумия напомнил Кире незабвенного доктора Хауса, особенно когда заговорил. Манера его речи – резкая, циничная... И юмор этот – тоже циничный какой-то. Мортальный.

– Тэ-экс... Пациент скорее жив, чем мертв. Значица, будущий ваш зять, Игорь Петрович? Круто вы с зятком...

Отец раздраженно хохотнул, недовольным голосом пошутил в ответ. Кира не слушала – она напряженно смотрела на Тима.

– Что случилось? Упал в обморок? Да, бывает такое... Я ж говорю, чем-то напугали вы зятя, товарищ майор!

– Он горит весь, – пробормотала Кира. – Мы температуру не мерили, но, кажется, очень высокая.

– Тэ-экс, а мы сейчас померим. Дышите. Повернитесь. Дышите. В глаза мне смотрите. Теперь давление... ручку сюда кладем... Только сегодня плохо стало?

– Нет, – опять вмешалась Кира. – Он уже дня два какой-то не такой.

– «Какой-то не такой?» – щетинисто улынулся доктор Захаров. – А подробности? И попрошу не стесняться, я же доктор...

Зазвонил сотовый отца, он извинился, отошел в сторону, несколько мгновений слушал, потом сказал:

– Прошу прощения, срочный вызов. Тимофей, держись. Кира, и ты!

– Ничего-ничего, без вас справимся... – махнул рукой Захаров. Отец убежал.

– Мы попали под дождь, – с трудом выталкивая из себя слова, заговорила Кира. – Еще там, в Москве, на вокзале. Я ничего, а Тим, думаю, простудился. И в поезде дуло, он окно не хотел закрывать...

– Душно было, – пробормотал Тим.

– Тебя, наверное, просквозило! – закричала Кира. – И потом он кашлял, румянец этот... Тим, какой же ты упрямый! Я тебя просила закрыть окно. А ты!..

– Тихо-тихо-тихо, вылечим мы вашего жениха, Кира Игоревна. Недельки две у нас полечит, и как новенький.

– Да? – растерялась Кира. – Две недели здесь?

– Это минимум, – поднял палец Захаров. – Хрипы в легких. Надо сделать рентген, сдать анализы... Я подозреваю пневмонию. А с пневмонией шутки плохи. Как бы еще осложнений не случилось. Давайте мы сейчас вашего жениха в терапевтическое отделение определим.

– Пневмония... Я с ним!

– Нет-нет, вам нельзя туда. Приходите завтра. И не волнуйтесь так, пожалуйста! – Доктор улыбнулся вполне по-доброму. Сейчас он уже не сильно напоминал телевизионного Хауса.

– Тим, наверное, надо позвонить твоей маме? – спохватилась Кира.

– С ума сошла... – пробормотал он. – Ни в коем случае. Я тебя умоляю!

Появилась медсестра, повезла куда-то Тима.

Кира пошла за ними, но далеко ее не пустили, развернули перед дверями, ведущими в блок, где лежали больные, погнали назад. «Может, надо было рискнуть и сесть на поезд? В Москве же доктора лучше? Хотя... Не факт. В таком состоянии в поезде... Да и в поезд его точно не пустили бы... О господи. Как же так получилось?»

Кира побрела обратно по коридору, вдоль стен, покрашенных в зеленый цвет. Запуталась, свернула не туда, ткнулась в очередную дверь и оказалась на заднем крыльце больницы.

Небольшой дворик, заросший кустами, клумба с цветами, скамейки. Чуть дальше, за деревьями – одноэтажный дом малиново-красного цвета. Тоже ужасный оттенок. Напоминает о развороченной плоти. О смерти. Кстати, именно в том домике морг, кажется. Кире вдруг стало нехорошо.

На скамейке сидел и курил давешний лопухий санитар – Корзинкин.

– Сигаретой не поделитесь? – спросила Кира, которая и не курила почти.

– Ага. Держите, – санитар щелкнул зажигалкой, с любопытством глядя на Киру. Его уши против солнца сияли ярко-оранжево. – А вы дочка Игоря Петровича, я знаю.

– Спасибо. Да.

– Он герой. Я видел, как мужиков он арестовывал – ну, тех, которые сберкасса брали. Вот человек – ничего не боится! Майор, мог бы в кабинете сидеть, а сам на операции ходит! – с восхищением сказал санитар. – Со мной здороваются. Я ему, как чего в городе увижу подозрительного, сразу докладываю.

– Да, мой отец – герой, – закашлявшись, отозвалась Кира.

Санитар еще болтал, но Кира опять отключилась. Она думала только о том, что придется остаться в этом городе.

«Это ловушка. Это самая настоящая ловушка! Тим, Тим, который никогда и ничем не болел, кроме аллергии и насморка, вдруг умудрился попасть в больницу...» – размышляла с тоской Кира, возвращаясь в родительский дом.

Совість грызла ее – за те поцелуи, которыми она обменялась с Сергеем на липовой аллее, за то, что сомневалась в своей любви к Тиму, за то, что мало беспокоится о нем... Ведь он заболел, и заболел серьезно, а она думала лишь о том, как побыстрее отсюда свалить, и даже готова была запихнуть больного жениха в поезд... Хорошо, что ума хватило не озвучить это!

Музыка, тревожная музыка звучала в ушах – одиноко, надрывно пела скрипка, стонала и кричала. Словно корчилась в муках душа человеческая, замурованная со всех сторон в каменном мешке, ища выхода... «А какой выход-то? – зло оборвала свои музыкальные фантазии Кира. – И у души иного выхода нет, кроме как помереть. Хотя нет, умрет тело – душа найдет выход».

Она нажала на звонок. Калитку открыла мать – взволнованная, с дрожащим подбородком.

– Как? – спросила она Киру. – Что с Тимофеем?

– Подозревают пневмонию.

– Что?! Ой, беда-то какая... И что доктор сказал? Что делать теперь?

– Мама, я не знаю, – раздраженно ответила Кира, шагая к дому.

– Девочка моя, я так беспокоюсь...

– Мама, мне от твоих причитаний только хуже! – бросила через плечо Кира. – Пожалуйста, не надо. Вылечат Тима, на дворе не девятнадцатый век.

Кира поднялась на второй этаж, в свою комнату, упала на кровать. Пронзительный плач скрипки по-прежнему звучал в ушах. К нему еще добавилось гудение виолончели, появилась барабанная дробь.

– Нет! – поморщилась Кира. – Нет. Не хочу.

Она закрыла ладонями уши и долго лежала так, свернувшись, на кровати.

«Тим запретил звонить своей матери. Что ж, верно. Она сейчас в Америке, у подруги. Если позвонить, точно сорвется, прилетит. Она до безумия любит Тима. Мне кажется, она считает, что я недостойна ее сына. Возможно, она права...»

Кира уснула.

Открыла глаза – ночь за окном.

Верно, мать побоялась беспокоить ее и Геле запретила. «Интересно, отец уже вернулся?»

Хотелось есть. Кира вспомнила, что только завтракала сегодня.

Осторожно, стараясь, чтобы не скрипели ступени под ногами, спустилась на кухню. Достала из холодильника бутылку кефира, нашла маленький творожок. Прекрасно, вот и ужин.

«Руки-то я так и не мыла»... – спохватилась Кира. Хотела сделать это тут же, в раковине, но потом передумала, отправилась в ванную – ту, что находилась рядом, на первом этаже.

Вымыла руки, сполоснула холодной водой лицо и вытерлась чистым полотенцем – полотенца лежали в шкафчике рядом, стопкой, как в детстве.

Вообще мало что изменилось в родительском доме. Тот же кафель на полу, та же чугунная, ослепительно-белая ванна... Кира огляделась. И вздрогнула.

Маленькое пятнышко на полу. Красное пятнышко, с полсантиметра в диаметре – на белом кафеле. Почти незаметное. Но такое яркое... Маленькое пятнышко, а выглядит словно лужа крови.

Но что за глупости, может, это и не кровь вовсе! «Я с ума схожу, мне всюду видится кровь, смерть, я чувствую запах формалина и разложения...»

Кира застыла точно вкопанная, не в силах отвести взгляда от пятнышка на полу. Затем не выдержала, наклонилась, кончиком пальца коснулась пятна. Размазалось. Понюхала палец.

Непонятно. Может, это не кровь, а кетчуп. Или вишневый сироп. Но этот багровый, бордовый, рыжеватый оттенок... И чуть-чуть все-таки пахнет железом. А кровь именно что и железом пахнет... Ржавыми гвоздями, да.

Минуту, не меньше, Кира таращилась на свой палец, потом опять усердно принялась мыть руки с мылом. И сердце заколотилось точно бешеное.

«Это еще ничего не значит. Или значит? Ну и что такого, даже если это и кровь? У всех людей кровь течет внутри, по жилам. Я в прошлом месяце палец порезала – тоже на пол капнуло чуть-чуть. А потом зажило все. Мама могла салат резать – вот и кровь... И чего там, у женщин часто кровь... Критические дни. У мамы еще. Или у Гели уже. Ну мало ли, передевался из них кто тут, в ванной. Вот и капнуло. Хотя...»

Мать казалась Кире старой, а Геля еще слишком юной – для критических-то дней. Но кто ее знает, эту физиологию! У всех же по-разному.

Сердце продолжало тревожно стучать.

Она тихо, стараясь не шуметь, выскользнула из ванной.

...Мать стояла на кухне, спиной к Кире, обеими руками держась за поясницу, поднимая лицо кверху. В воздухе был разлит горьковатый запах лекарств.

– Мама.

– А? – испуганно прошептала мать и повернулась, все еще храня на своем лице выражение мучки и боли. – Это ты... напугала.

– Мама. Мама, ты скажи мне честно. Ничего не изменилось, да? – спросила Кира.

– Ты о чем?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я, – с укором произнесла Кира. – Скажи. Ну скажи мне!

Пауза. Долгая, долгая. Мать с посеревшим, перекошенным от боли лицом смотрела в сторону. Затем тихонько опустилась на стул.

– Мама, скажи мне.

– Мы нормально живем. Не хуже других, – прошептала мать. – Вон, у Зины как... Толик ее в открытую гуляет. И они дерутся часто. Там полный дурдом, все говорят.

– Мама!

– А Тоня? Ты посмотри на Тоню – она же с бывшим уголовником связалась, он еще и на всю голову шибанутый, ему лечиться надо... И у Лиды тоже не слава богу. Нет, они живут хорошо, не ругаются даже, Виктор очень интеллигентный мужчина... Но счастья-то нет, потому что детей нет! Я думаю, Лида хоть и не показывает этого, но страдает очень!

– У тебя ведь почки болят. Да? Как тогда, да? Я помню. Он тебе все почки отбил, да?

– Нет, что ты! – взвилась мать.

– Ты все врешь. Зачем ты от меня скрываешь? – с ненавистью прошипела Кира. – Он лупит тебя – точно так же, как и раньше.

– Папа – хороший человек. Но у него работа немного нервная. Сложная, тяжелая... Да! Да, он срывается иногда. Редко даже. Но ничего страшного... Так, руку поведет у него.

– «Поведет», – повторила Кира, чувствуя, как кривятся губы. – Это не он, это рука его виновата. Руку у него повело!

– Тише, тише! Разбудишь же!

– Боишься? О, ты боишься его разбудить? Прелестно. Этот садист бьет тебя, а ты терпишь?

– Кира, детка, у нас все нормально, ничего я не терплю... – всплеснула мать руками.

– Отец бьет тебя. Он тебя бьет. Тридцать лет вы вместе, и он бьет тебя. Тридцать лет... – Кира схватилась за голову, не в силах примириться с происходящим.

– Это редко случается. Почти никогда. А почки у меня всегда барахлили, ты знаешь, одно с другим не связано.

– Не связано, как же. Он тебе отбил почки. Ты же еле живая. От тебя лекарствами разит, как из аптечной лавки.

Мать опустила голову, плечи ее затряслись.

– Вот как с тобой говорить? – негромко, с раздражением и жалостью прошептала Кира. – Ты ведь не человек уже, мама, ты животное. Господи, господи, как же страшно... Стоп! – Она вдруг дернулась – новая мысль пронзила ее. – А Геля? Он Гелю тоже бьет?! Гелю, такую маленькую, такую больную... Этого птенчика – он тоже бьет?!

– Нет-нет-нет!!! – замахала руками мать. – Как можно! Да я бы не допустила... И он Гелю и пальцем...

– Точно? – спросила Кира – а перед глазами маячил тот синяк, что она заметила на плече младшей сестренки.

– Кира, детка, ну неужели я допустила бы подобный ужас!

Кира помолчала. Потом произнесла уже совершенно спокойно:

– Со мной – ты допустила же.

– Прости. Прости меня! – заплакала мать.

«Врет или нет?» – лихорадочно размышляла Кира. В самом деле, невозможно представить, чтобы Гелю, такую хрупкую, отец бил... Нет, невозможно. Он бы просто убил ее, если бы вздумал ударить!

– Клянись, что он ее не бьет.

– Клянусь. И потом, Кирочка, неужели ты думаешь, что я бы допустила...

– Я ничего не думаю, – перебила ее Кира. Помолчала, собираясь с мыслями. Уже легче – что отец не бьет младшенькую... – Я тебе одну вещь хочу сказать, мама. Если мужчина ударил женщину – то он виноват. Если мужчина ударил ее второй раз – то виновата уже она, потому что осталась с ним, потому что терпит этого урода. Если мужчина бьет собственного ребенка на глазах у матери, то она – преступница. Самая настоящая преступница. Потому что допускает это. И ее место – в тюрьме. Нет, конечно, отца тоже посадить надо, пожизненно, но и ее тоже, эту мамашу.

– Кирочка, прости меня. Я очень виновата перед тобой. Очень!

– Мама, я тебя никогда не прощу. Я тебя ненавижу. Я так жалею, что приехала сюда, – безразлично произнесла Кира. – Ладно, все. Спокойной ночи.

Она поднялась к себе, опять забыв перекусить. Но какая еда, тут не до еды. «Скорее бы Тим выздоровел, скорее бы уехать отсюда... И все равно Гелю бы я забрала. Да, пусть отец и не бьет ее, но все равно для девочки психологическая травма – жить с этими уродами, видеть все это... Даже если отец бьет мать не при Геле (а меня-то он в свое время не стеснялся, скотина), то атмосфера все равно тяжелая, гнетущая. Здесь мертвечиной пахнет, этим воздухом нельзя дышать... Забрать Гелю надо. Но Тим против. Конечно, Тима тоже можно понять – ни к чему ему чужая родня, чужие проблемы, чужие дети, но мне-то что делать? Я же не могу засунуть голову в песок и сделать вид, будто ничего не замечаю? Я и так сколько лет делала вид, что ничего не было...»

Заснуть теперь оказалось невозможно.

Кира открыла ноутбук, нашла тот самый сайт, который читала постоянно.

Это был блог известной журналистки Натальи Радугиной. Одни ее ненавидели (проклятая феминистка, пытается развязать войну между мужчинами и женщинами, мутит воду, зарабатывает на жизнь, спекулируя «жареными» темами), другие считали чуть не святой, поскольку Наталья уже который год писала о женских проблемах. О насилии в семье, о дискриминации женщин на работе, о том, как в обществе относятся к женщинам...

Помимо «семейных» тем, Наталья еще много о чем писала в блоге, но Кира искала ответы только на свои больные вопросы.

Почему мужа бьют жен? Так принято? Бьет – значит любит? Почему жены это терпят? Считают нормальным? Оба виноваты? Она довела мужа до белого каления, вот он замахнулся и ударил...

Истории. Много историй о семейном насилии.

Где-то там, в глубинах радугинского блога, пряталась и исповедь Киры. Конечно, Кира не под своим именем ее писала, не все подробности вывалила. Так, самое основное:

«Здравствуйте, Наталья. Хочу рассказать Вам свою историю.

Мой отец бил мою мать. И меня.

Но никто об этом из окружающих не знал. Может, кое-кто из родных и знакомых догадывался, замечал – но не придавал значения. Подобные вещи случаются часто, никого уже не шокируют. Подумаешь, глава семейства дал оплеуху дочери (дети, они такие избалованные, их порой только оплеуха в себя и может привести!), толкнул жену (довела мужика, бабы – они же часто истерички с вечным ПМС!).

Тем более что отец на людях был совершенно другим человеком. Веселый, приветливый, добродушный. Про нас с матерью говорил – «мои девчонки». Вел себя очень галантно, подавал матери руку, придерживал двери, придвигал стул. Рыцарь, принц на белом коне... Моей матери завидовали – такой мужественный, красивый мужчина ей достался! Даже если бы она вздумала вдруг рассказать всем, как этот «принц» обращается с ней дома, то ей никто бы не поверил. Никто.

А он бил ее. Умело, почти не оставляя следов. Знал, куда и как бить – недаром из правоохранительных органов. Нет, я не хочу сказать, что если полицейский, значит – садист. Другие полицейские такими не были. Я видела, как дети его сослуживцев смотрят на своих отцов. Они смотрели на них – с любовью. Они обнимали их, не боясь ничего, разговаривали с ними...

Я всегда с тех пор обращаю внимание на то, как дети смотрят на своих родителей, по одному их взгляду угадываю, что за обстановка в семье. Если в глазах ребенка – страх, если он скован, подавлен, молчалив, похож на загнанного зверька – все, есть повод засомневаться в его счастливом детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.